

№ 14 (892)

июль 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЭТО БЫЛО В ОДЕССЕ

*Проблемы французской молодежи
В ПОИСКАХ БРАТЬЕВ ПО РАЗУМУ*

Норман-Эрик Винсент Бонор

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорос первый
Выходит два раза в месяц

14

(892)

ИЗДАТЬ
1964

РАБОНИИ АТОМ

В руке человека лежит кусок урановой руды. Из этой руды получают ядерное горючее. Оно может быть обращено на изготовление бомб — самого страшного оружия разрушения. Но тот же материал идет для создания, для прогресса. Советское правительство, верное ленинской мирной политике, приняло решение направить больше расщепляющихся материалов для использования в мирных целях — в атомных электростанциях, в промышленности, сельском хозяйстве, в медицине, в осуществлении крупных научно-технических проектов.

Фотографию «Рабочий атом» читайте и смотрите на 4—5-й страницах этого номера.

ДВУСОНОВА В ЖИЗНИ

то случилось глухой ночью на окраине большого города.

Сквозь шум торопливного летнего дождя, перестуки колес, паровозные гудки — звуки недалекого вокзала — вдруг прозвучала, спугнула тишину окраинной улицы, женский истошный крик:

— Помогите! Помогите-те...

Крепко спит дождливой глубокой ночью угрюмо погашенные огни. Но в одном из домов за пустырем огни горят уже ночь, потому что там люди, которым ночью спать не положено. Этот дом — железнодорожная больница.

В операционной (в ту самую ночь, в тот самый час) у расплывшего окна стояла, отдыхая после сложной «работки» больного, дама — высокая и молодая женщина, медсестра Лидия Лопатина, и хорошенькая светлоглазая девушка с пухлыми, детски свежими губами, санитарка Светлана Никитина.

— Кричит кто-то! — прошептала Светлана. — Лидия Александровна, мне кажется, вы слышите, ужасно, как страшно кричит! Бежать надо...

— Кабы она смогла, убежала бы, — вздохнула, возразила Лопатина. — Да, увидеть, нельзя...

— Да нет же, — сказала громко Светлана, отходя от окна. — Не о том я...

Лидия Александровна тесней прижалась к окну.

— Это, конечно, помочь надо... Ну, ты беги, — произнесла она с легкой заминкой. — Если что, крикнишь, а, Свет?

Она не так уж молода, у нее дети и нелегкая жизнь за плечами... Так почему она должна швыряться этой жизнью вот так, ни с чего, из-за случайного крика незнамой женщины, попавшей в беду? Да и слюгут ли они помочь? А вдруг там, на пустыре, лагерю бандитов и все с финками? А вдруг там...

Она резко обернулась и увидела, что Светланы в комнате уже нет... Ах, в молодости им все так горячо и легкомыслив! Было и ей, Лопатин, но 44, а 18...

А Светлана бежала, кое-как запихнула на груди байковый болтыничный халат, через пустой, гудящий двор, немую, словно вымершую, улицу к пустырю, туда, откуда все несся хриплым, стонущим криком...

Когда она встретилась, и спросила ее о том, что она думала, когда бежала, отдаваясь всем на размытой дождем дороге, что творилось в эти мгновения в ее душе.

— А возмущалась я, — подумав, ответила Светлана, — что здесь, рядом со мной, с мамой, может человек погибнуть... Все душу мне так и перевернуло! И — махом-махом — на пустырь. Прибежала, дух не парвала, кричу: «Как вам только не стыдно! Это ему, преступнику... Смешно, да? А он озверел, не слышит, душит девочку, паразит...

Вместе с подостывшим шерошером Лией Шешинсы Светлана задержала бандита. Все пошло, как надо. Преступника сдали в милицию, осужденную девочку привели в чувство... Потом было следствие и вызвали свидетелей.

Светлана написала объяснение коротко, Лопатина — подлиннее. И была в ее изложении событий всякая-то извращающаяся фраза:

«Этот крик с пустыря настолько был сильным, что мы не могли оставаться равнодушными, и Никитина стала звать меня на улицу, но идти я не могла».

Никто не выяснял, почему не могла до отчета... Ведь они — медсестра Лопатина и санитарка Никитина — были только свидетелями. Просто свидетелями, вот и все... Дело давко кончено. Бандит наказан. Эпизод вроде исчерпан. О маме же говорить!

В конце концов, один человек способен на нормы, другой не способен... Эта тема для философов!

Мне представляется естественным, что Светлана Никитина избрала себе в жизни удел медсестры. Была еще недавно санитаркой, стала, окончив уч-

лище, медсестрой, окончил институт — страна получит врача. Настоящего врача, а не ремесленника от медицины.

Светлана Никитина, при ease обаянии женственности, юной чистоты и невинности — человек гордый, принципиальный, бескомпромиссный. Все это пребрало, но, как известно, жить с такими качествами не всегда просто. Каждый день в хирургический кабинет, где работает сейчас медсестра Никитина, длинный хвост «работяг» с линии: нарывы, ушубы, переломы, боль, гной, грязные бинты. Мне приходится наблюдать за Светланой — чистой, «кухонной» городской девушкой — во время ее тяжелой работы. Ни разу не возникло в ясных, внимательных, спокойных глазах выражения безразличия, скуки, отвращения. Не то, чтобы она их умело подавляла. Она их не чувствовала, вот и все. Она делает «дело по душе».

Конечно, в хирургическом кабинете Светлана еще не командир. Здесь распоряжается врач. Без его назначения и предписания Светлана не может начать лечение больного. Она «под началом», «под наблюдением».

От мнения врача зависит, так скажут, ее «карьер», ее доброе или недоброе имя.

Учили ее некоторые, сил не жалели: «Ладить надо... Где промолчал, где подлохнул, где устранился. Ты с начальством ладом, и оно тебя не забудет».

Но Светлана не умела, но хотела устранилась. И когда она видела, что в коридоре, уставо опустив плечи, сидят в долгом ожидании люди с линии — больные, а в кабинете, завершись, шепчет с болтливой знакомой врач, забывший о своих обязанностях и долге, она не молчала. Она решительно подходила к началству.

— Что же вы так нехорошо behaves, Фаня Васильевна! Людям-то вот истомилось... Не успеете их, приежиком, принять сгодится — на вокзале им придется ночевать, завтрашнего приема ждать. А ведь больные они. Наши больные!

И не успокаиваясь, шла к главному врачу Владимиру Петровичу Тимофееву «выправлять положение». Тимофееву она очень уважала. Он был спокойный, справедливый и знающий человек. Жил в том же доме, что и Светлана, и она выросла на его глазах, выросла из дранчиной, озорной девчушки, «грозы» двора, в его самого, самостоятельного, несмотря на молодость, человека.

Владимиру Петровичу тоже уважает Светлану. Только на таких началах и должны сосуществовать люди.

«Если бы я иначе поступила, мама мне этого бы не простила...» — сказала как-то вскользь Светлана.

Мама не простила бы... Потому я много раз слышала от нее это простило. Она повторяла его привычно, не стесняясь камающейся детскости этих слов и нисколько не кокетничая ею. Просто так, очевидно, была для нее нравственным мерилом поступков — чужих и своих. Ее одобрение или осуждение значило для Светланы много, очень много.

И мама заботилась посмотреть на ту счастливую, которую любила и уважала не просто и не только за то, что это же мама, которая родила, нянчила, варила кашку, купала и шила платьица.

Наступает в жизни каждой дочери и каждого сына день, когда они смотрят на своих родителей не просто глазами самыми близкими родственников, а глазами судьи: они отводят им место в своей жизни, которое, пусть, зависит далеко не от того, сколько было им куплено шоколадок, съито лубочек или сорочек.

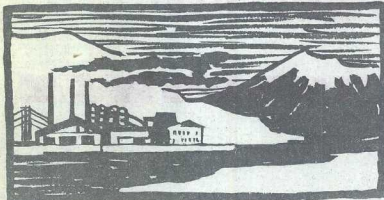
Отцы и дети... Вечная лестница бития. Дети — новый побед зеленого дара жизни. Своим новизн! Качеством, независимый новиз!

Нет, конечно, нет!

Есть люди, которые искренне исповедуют теорию «внезапного», «локального» подаян: мол, вот живешь, живешь, и вдруг бац — ярчайшая звезда несильного по славетности и благородству поступка озарит всю твою жизнь и переравет ее.

Они, такие, не ценят, как надо, слов Валентины Тереховой, а самые ослепительные минуты жизни и славы вспоминая мать и назвавшей на

Завод в степи

Месяц январь, как глаз цыганский,
Косе смотри из-за высот.
Сочных зарев степи шахтерской
Растисляет в ковер заводских.

Пылл, осадист,
Сминая траву,
Гул небушущим трудом ночей.
Норд скрипящий парня sustавей,
Грелся аспельт у плавильных печей.

Одначивый в безмолвие козыльном —
Нес колица полными путям.
Трет хащи! бороною пыльной,
За дробя бродя по пятам.

1 Хащи — нора (азерб.).

Надоело тучно тинь
В башбармысных пасты горач.
Пусть его мастера научат
Настоящим делам в цехах.

Жерла труб в тишину нацеляя,
Будит гулом басистым завод
Паучиную глушь ущелей,
Загустившую снись высот.

В степь ухажит, разная sustавей,
Путевой обходчик — хазри.
Мимо ахачихся вьдаль составов,
Вьдаль различая в кошми жары.

Пицунда

Фелогой парусною острой
Врезая в мазреву снись,
Пицунда —
Чайный полуостров —
Плывет, закутанный в топлмнь.
Земля черна, как будто порох.
Взлетают,
Как ракеты, вьсьсь.
Под ветровой гудроной шорох
За кипарисом
Кипарис.

Полудня жаркие минуты...
Я вьдуху,
Словно кипилот,
Настоящим чавам круто,
Пыл жадно
За глетолом плоток.

Не торопясь,
Круголовый,
Подняв раскосые рога,
Несли колхозные коровы
Лугов густые тьвоорог...

Смяотистый вьдух
Снись и звоноч,
Сосновий бор сошек к воде.
Танулось море,
Как ребенок,
К его косматой бороде.

Фелогой парусною острой
Врезая в мазреву снись,
Пицунда
Чайный полуостров —
Плывет, закутанный в топлмнь.

Как знамена на звоночх дравках,
Зори плещут над посевом...
На речные лугушечь слезач,
Цепли ходят большым семьям.

Мелководье, заснувшее в траве,
Бородаст голенистая братия,
Удивляя хористов бывалых
Перевобьютостью восприятия.

Словно печник болотным в угоду,
Стать хотят болотнымыв немыв...
Баламутят сточную воду
Лугушня перекличкой квакливою.

На запычавый гонос нацеляя,
Разражаються цепли поповельмыв...
Сколько в клявах железных,
Как в цеплах,
Ваших песен, певцы, похорононо!

всю страну ее имя. Тут не в том дело, что мать грудью кормила, тут речь о том, что человеком сделала.

За подвигом, как и за предельством, стоит не миг, а целая жизнь.

И порой не только сыновий или дочерей, но и отцов и матерей.

Мать Светлана Никитиной не может поразить воображение ничем, что можно было отнести к разряду необыкновенности. Она не летчик-испытатель, она не стоит у синхрофазотрона и даже не знает кибернетики. Она не держит в горне серебряных кубков — призы за спортивные достижения. Да, катает, и горки-то в их комнате нет. Там вообще снись мало милая, в скромной квартире, где живет Зинаида Павловна Миронова с двумя дочками-погодками — Светой и Ларисой.

Тан в чем же все-таки секрет этой маленькой, худенькой женщины, рано потерявшей мужа, погибшего в борьбе с бандеросскими бандами, прожившей жизнь труженицы в самом прозаическом смысле слова? Чем она «важна»?

Оказав медицинский техникум, она попадает фельдшером в знаменитый некогда московский детский дом № 1 — тот дом на станции «Травкин», который принял в 37-м детей испанских республиканцев.

Смуглая, темноволосая народица... Никто ни слова по-русски... Разломан душ, смяты куржевые занавеси, поломаны игрушки, вонистые мальчишки крадут бинты и тряпки «для войны». А в спальнях по ночам жалобные всхлипы. Дети едят дати. Им снится по ночам знойное небо Испании, и темноклазые матери плочт им что-то ласковое. Молодеющая фельдшер русская девушка из Подмоскья Зина Миронова старательно учится чужому рокошующему языку. Ей хочется найти с детшками из дальней страны действительно, в прямом смысле слова, «общий язык».

Первые слова, которые она поняла без переводчицы, были:

— Курвель! — Дечи мива!

Они признали ее. Они знали ее во снах, испанским манер, мимую твердые согласные: тетя Синецька... Так называли Зину Миронову и дети Долорес Ибаррури, называвшие своих черноклазых земляков. Позже, когда дети подросли и освоились, жизнь стала слишком покойной, размеренной, городской — радом, совсем радом Москва. Зинаида Павловна как-то увидела в кино, в хронике, далекие северные края, людей в унтах, мальчиш, мнущихся сквозь голосящую пургу на собачьи упряжки... И вдруг затосковала в своем уютном гнезде, засобиравшись... Ну-ка!

— А Север хочю освоить! — говорила она, укладывая вещи и поменяваясь. — Не юге, у теплого моря, а уж жила... Там всякий жить может... Охотников много... А вот Север — дело другое. Он чудакое жет...

Мудаче тогда 19 лет было. Чегодань руж не отгитвала. Села в поезд — и вьдаль через всю страну. Во Владивосток была тогда такая организация — «Дальрыбпродукт».

Ей такне чудячки годились. Без всякого бюрократизма получила девчачье киданое направление: «В Магадан и дальше».

— Это куда же дальше! — нваного растерявшись, спросила Зина.
— Тага, товарищ, берет Охотского моря. Если точно — база Тайгис... Походит?

— А... медведи там есть?

— И медведи есть... Останеться довольный.

Она вьдаль направление, села на пароход, полпыла по Охотскому мо-

рю. Ну и море! Синцовое, яростное и все-таки очень красивое. Ночью закричала, забилась в одной каюте роженица — вот и начало работы на новом месте.

Плать морем надо было семь дней, семь ночей. Потом — на восьмые сутки — остановка. К пароходу, ныряя носом, подплывает кунгас. Штатный пархот бросают на него с парохода.

— КоМУ выходить, товарищ пассажиры? — Зине выходить, роженице выходить. Роженица уже оправилась, но трусики ступить на зыбкий парх. Мальчик в ее руках ворочается, проснуться хочет.

Зина решительно отнимает у матери полный пописывающий пакет. Р-раз, и она на дышащем месте. На лбу у нее соленье капли — то ли море, то ли пот. Прошла, осторожно пригнула в кунгас, в крепкие руки рыбак.

Рыбки одобрительно защелкали языками. Зине тоже доволно: сразу выник контакт с будущими пациентами. Потом в кунгас доставили и роженицу. Она сразу прижалась к Зине, ухватилась за нее: какчи боится.

Зина сказала:

— Ну, что ты? Что ты! Мы люди, а не только море...

Высырели ее у болныки — длинного пустого барка — работай. Она, прежде чем войти, постояла, подышала терпким запахом моря, густым хвойным духом. Волны поднимаются выше барка, а возле — тайга, как корабль в миллион миль. Красивая страна Север!

Она стала рыбацким доктором. Ездить надо было далеко, в рыбацкие поселки. Тут они назывались: база-1, база-2. Между базами шесть снись, а то и десять километров. Дали ей транспорт, дикуно, зуюло лшод по кличке «Гитлер» с бешеным красным глазом. Обретаала, обучилась ветровой езде, привыкла кисели варить из таяющей ягоды. Ее узнали в тайге, признали. Сколько детей и взрослых сплела от пневмонии, от чешотки — мало ли от чего! Она была врачом-универсалом: за педатра и за терапевта, за ларинголога и даже за фармацевта. Лекарства, прописанные ею, ею же и готовились. Сколько книг было зачитано, записано до дыр! Приходилось все извляя, прежде чем дать больному, пробовать самой. Был случай — какой-то микстурой от кашля отравилась. Ушла на берегу без чувства. Орочи мимом на собачих ехал, подобрала. Проснулась ночью — свежо, badly, море в берег: баях, баях — горнанный голос покрикивает:

— Поты-поты!

Упряжка несется. Красивая страна Север!

Там же, на Севере, вышла замуж, родила двух девочек. Всею, что было поценней, сдали в фонд обороны, написали с мужем заявление: «Просим отравить на фронт». Мужа отравили, а ей ввели за девочками смотреть.

Девочка она после на золотом приiske «Финля», жила и в Карагадме, в Шеллю, и на Западной Украине, куда вьдаль ее после вьсны войны. И в 45-м окончилась для всех война, а они вьсь узнали тревожные, бессонные ночи ожидания, когда он уезжал из дому на долгие недели — в лес, туда, где гнездились все вооруженные бандиты, затеившие лютую злобу против Советской власти.

Человек добра

Ветер встречный.
Попутное солнце.
Под ногами шуршит трава.
И над путём — туловищем, сонным —
разговаривают теплера.

Бортоматные. Бортоматные.
хлопотанье, шипенье, стук.
Вон со складчатой горляной,
как бутылка, торчит пухляк.

Черно-синий,
зеленоватый,
краснобровый — игра темей.

На расцветках и на закатах
он победно трубит о и е к.
Ах, ругады,

какие ритмы!
Милый, птись моя родня —
с черным клоком для честной битвы
и для песни во славу дня.

Мне не раз приходилось делиться
эту песню, в отлам пера.
Путь не выстрел —
пустяк пелся цветится,
где идет человек добра!

Нет, не снится мне,
нет, не чудится:
там, где слышим теснит пуга,
старым лес перед солнцем шуршит,
над подлеском взметнуся рога.
Ах ты, старый,
слезака очн-то!
Лоб тапек; да, Борба нелегка.

И сказали тебе: «Не очень-то...»
два замалганных сопляка.
И ушли
и забрали — пушутю!
Ноздряк тамешь на вспед,
ей след.
Видно, зря ты рога мочуше
не сломал эту ночью, дед!
Не взрадел: потерял уверенность.
И вздыхаешь: ушла со двора...
Пусть вздыхают и любят звери,
где идет человек добра.
Нет, не чудится,
нет, не снится мне:
утро,

воздух,
волна тепла,
и склизает по столвам свинцы,
слово «заячник» от стекла.
В рыхих ветках крадутся рыси.
Заползают ужи в стога.
Трутся брюхом турге рыби
прекратный берега.
А над кручей,

развесна патым,—
ель, не знающая топора.
Путь стучат толорани дятлы,
где идет человек добра!
Хорошо на земле здоровой
людям.
птицам,
зверям,
грибам!
Солнце капельной теплою кровью
прикоснулось к моим губам.
Ах ты, доброе,
солонявое,

выходи, растопырь плучи!
Я за розу тебя поставлю —
ты лобань меня научи!
Той лобань, что не любит почестей —
лбщи бы бурьянныи носачи.
Научи меня, солнце, творчеству
и добру меня научи!
Я не добренник,
я не человек.

...нет, не легкий я:
беглым взглядом дробью мышьеш.
Я котенком — сплым и нелоким —
очень ловко погнав мышеш.

Мне жестокость в заслугу ставили.
А по жилам добро текло:
вот бы птицы

встречали
ставим
человеческое тепло!
Вот бы рыбы сплывались стаями
и засиделись у кустра!
Вот снега бы дв страза телят,
где прошел
человек
добра!.

В 1948 году он погиб.

Взрослея, она уехала из тех мест навсегда. Выбрала по карте северный тихий город Киров и уехала.

Конечно, и здесь быстро нашлась работа. В железнодорожной больнице Зинаида Павлова появилась в самом начале ее открытия. Больница находилась в чуждом месте первых дней, когда все было, когда люди еще не сошлись, не притерлись, не узнали друг друга, — все это она делила с другими, но жалуюсь, хотя годы были не те — побегали волосы, на лбу и щеках морщинки.

Этот дочек нелился, вымахал румяные, крупноглазые, высокие — невесты... Теперь иногда Зинаиду Павлову спрашивают:

— Когда же вы успевали их воспитывать?
Она только плечами пожимает.
— Он с ними само управлялся...

— Это так. Дисциплина самобытного воспитания в известной мере напоминает дисциплину в летней эскадрилье, где командир приказывает: «Делай, как я».

Дело, а не слово создает нравственность характеров. Хорошо жил или скверно, щедро или жалочно, творцом или потребителем, гражданином или сызмателем — глядишь в детей...

Зинаида Павлова с гордостью, с радостью может рассмотреть в дочерях нежное, смелое, чистое лицо своей юности. И дочерям с ней легко говорить «про все», даже про тайное, чего вообще-то многожик матерям.

В 16 лет разрисовала полудетских личико гримом, взяла прищипку, липла к парням... Почти всем девочками в классе мамы запретила общаться с «испорченными» Риммой. Даже здороваться не велела — обходить стороной, и все! А Зинаида Павлова послала своих дочерей к Римме сама. Она не понимала, как можно «злумыть руки», когда рядом человек плохой. Вот медицинку взять. Если б врачи и сестры бегали от гнойников и ран, какшо пришлось бы людям! Лечить надо! И поскорее!

Римма давно уже работает, давно выморозилась, и пожалуй, ни Зинаида Павлова, ни девочки ее не помнят, как пришли тогда на помощь человеку. Нормальный случай...

Когда дочки окончили школу, Зинаида Павлова велела им поутру собираться и идти с ней в больницу.

— Ну, малышки, поребатеуйте у меня под рукой, в операционной... Санитарочками побегаете... полы помоете, узнаете, что стоит человеческая жизнь и как оно бывает, а тем — забирайте профессии по душе...

— Ну, малышки, поребатеуйте у меня под рукой, в операционной... Санитарочками побегаете... полы помоете, узнаете, что стоит человеческая жизнь и как оно бывает, а тем — забирайте профессии по душе... И так, какшо пришлось бы людям! Лечить надо! И поскорее!

— Ну, малышки, поребатеуйте у меня под рукой, в операционной... Санитарочками побегаете... полы помоете, узнаете, что стоит человеческая жизнь и как оно бывает, а тем — забирайте профессии по душе...

Старшая дочь, Светлана, навсегда запомнила день, когда в сверкающую, ослепительно-светлую операционную внесли человека, попавшего в катастрофу. Ему ампутировали ногу. После тяжелой операции мать, поблывшая от напряжения, вышла с чем-то завернутом в вафельное полотенце, уже покрасневшее от крови.

— Светлана — спокойно сказала она — Это его нога... Надо свести в морг и там сдать ее, взять квитанцию. Собирайся.

— Но почему мне, именно мне? — поплывавшись, спросила Светлана. — Нас здесь семь человек, и разве не могут другие?

— Но почему другие? — возразила мать. — И вообще на работе не осуждают расприжоржен старши. Показай!

Потом Светлана пришла с квитанцией, и мать мелком оглядела ее: — Все в порядке! Ну и отлично.

Мать — человек с принципами, хотя и некой, такой подвижной и всеведной, как-то не клеится это педантичное, строгое определение.

И Светлана — человек с принципами, И Лариса. Лицом девочки не в мать, но ее глазами видят окружающие, ее мерками мерят и судят другие и себя. И это не поганые, «домашние», хитрые мерки крохотного мира существователей, а чистая, лобная мера граждан большого мира. Только говорить про это они не любят.

Светлана оказалась «прирожденным» медиком. Она окончила училище, стала медсестрой и готовится поступать в институт. А младшая поступила в вуз на очный...

Так они и жили, дочки Зинаиды Павловой. Бегали на лыжах в пригородном парке, сердились, что ругает японские чулки, ходили на свидания, делали друг другу прищипку, читали вслух по вечерам, иногда приходили к себе шумную молодежную компанию, с гордостью знакомили их с матерью. Никогда не случалось, чтоб они пожаловали ухода матери в такие дни: как же без нее веселее!

Соседи говорят про эту семью: «Тихие-тихие люди, скромные-скромные девочки...»

Все это правда. Но эти тихие-тихие люди принадлежат к той благородной породе несгибаемых людей с принципами, которыми красна и Удачливая жизнь.

«Я спросила Зинаиду Павлову, не укоряла ли она Светлану за то, что в ту страшную ночь преступлению дочь, ни минуты не подумав, побоялась на крик. Ведь ее храбрость могла обернуться плохой. Ключо, это был провокационный вопрос. Мне хотелось узнать всю правду.

Зинаида Павлова так посмотрела на меня, что мне сделалось неловко.

— Мы бы ей в жизни не простили, если бы она это крик дома пересидела!

Она нервно перевалила косинку на голову.

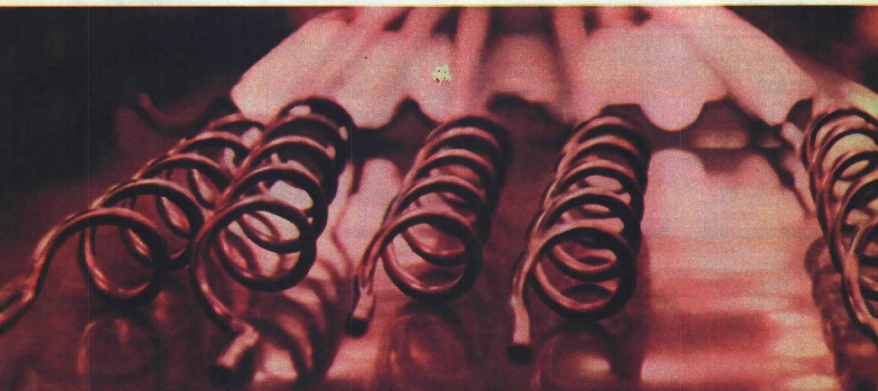
— Мне известно, это было и мне испытание... В тот вечер... Так я жила или не так...

— Знаю столе фотография трех женщин.
У Зинаиды Павловой добро, милое лицо с нежной, светящейся кожей на висках. Ее девочки, ее выросшие девочки, стоят с ней рядом. И не только на фотографии...

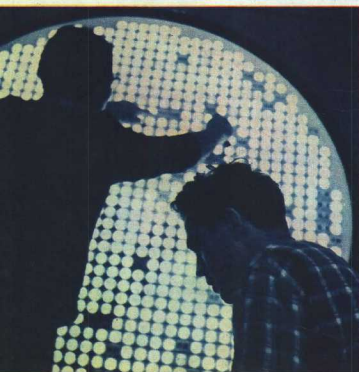
РАБОЧИМ

Я. ГОЛОВАНОВ

Этим стержням предстоит далекий путь на Урал, в реакторный зал Белоярской атомной электростанции.

Белоярская атомная электростанция имени Курчатова. На этой таблице зашифровано состояние первого реактора.

Когда на Нововоронежской атомной электростанции еще шли бетонные работы и в синих вечерних сумерках вспыхивали огни электросварки, на стройке повисла кумачовый лозунг: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатам».

Эта мысль выражает, по существу, всю позитивную нашу государственную политику в области использования удивительных и могучих сил, которыми овладело человечество в нашем веке. Сам век этот люди окрестили именем века атомного. Справедливо ли? XX век многолик. Это и век радио, и век космоса, и век кибернетики. Все это так, но, очевидно, не влет отдельных отраслей науки и техники определяет его лик. XX век — век коммунизма, век глубочайших в истории социальных преобразований всего человечества. И все-таки атом не случайно стал его символом. Атом — это мир или война, изобилие или смерть, счастье или пепел.

Летом 1945 года амери-

канский летчик сбросил с американского самолета первую атомную бомбу, сделанную в США. На следующий летом мы отметили десятилетие со дня пуска первой в мире атомной электростанции, построенной в советском городе Обнинске советскими специалистами. Обе даты уже принадлежат истории. И история не забудет их никогда.

Мне пришлось бывать на различных предприятиях молодой советской атомной промышленности: урановых рудниках, обогащательных фабриках, заводах, научных центрах, атомных электростанциях. У меня были очень разные встречи с очень разными людьми. И разными были их рассказы. И все-таки сейчас я понимаю, что было в них и нечто неуловимо общее: трудом добытое чувство гордости за то, что ты делаешь доброе дело для людей. Можно возразить,

что такую же гордость испытывает каждый рабочий человек. Это верно. Но здесь примешивалось и сознание того, что в добро обращается то, что может быть обращено во зло. И чувство гордости за свой труд складывается с гордостью за высокую мораль родной страны, вся история которой — борьба за мир и счастье человека.

Вспоминается разговор с ученым, профессором-атомником в реакторном зале БР-5. Удивительный реактор БР-5 — быстрый реактор, а точнее, реактор на быстрых нейтронах. В этом реакторе «высокоакторийное» атомное горючее плутоний, «сгорая», отдает часть своих нейтронов урану-238, «золу» атомного реактора. И эта «золу» превращается. Цепочка превращений: уран-238 — уран-239 — нептуний — плутоний — приводит к тому, что атомное горючее «возрождается»

Активная зона реактора на быстрых нейтронах невелика — чуть побольше ведра, но мощные стены биологической защиты превращают его в весьма солидное сооружение. Толща бетона сохранит этим людям жизнь и здоровье.

АТОМ

Фото И. ГРИЧЕРА

Завод ядерного горючего

Конец смены. Начальник участка Юрий Мяколюбков (слева) обсуждает итоги дня с бригадиром Петром Оно-

пришко, Федором Попенко, Савелем Дибком и комсоргом шахты Виктором Казарено.

из лапал. Мы стояли с профессором у этой рунотворной атомной «птицы феникс», и он говорил:

— Понимаете, есть специалисты, которые до сих пор считают, что тепловой реактор (подобные реакторы установлены на советских атомных электростанциях — Я. Г.) удобнее и надежнее. Мы не спорим. То есть нет, мы, конечно, спорим. Спорим, потому что верим в наш реактор. Но все это научный спор, битва мие-

ний, иногда и сожалею, авторитетов. С нами можно соглашаться, можно упорствовать. Но нет среди советских ученых ни одного, кто бы не хотел, не мечтал отдать в наше распоряжение весь имеющийся в стране плутоний. Все мы думаем только о мире, работаем для его победы и торжества. Но, понимая, разрушение, полное и всеобщее разрушение, за которое борется все честные люди земли, просто необходимо

для развития нашей области ядерной техники! «Демобилизовать» атомные и водородные бомбы — значит получить плутоний, получить возможность дать людям энергию, свет, тепло...

Помните песню шахтеров: «Мы любим родину свою, тепло и свет принесим людям...». Эту песню с полным правом могут сегодня петь угольщики, добывающие урановую руду. Я счастлив, что мне удалось познакомиться с ними. Это случилось в небольшом, удивительно новом и чистом городке — назовем его Ура-

ноградом. Я спуускался в забой, где огулушительно работали пневматические перфораторы, высверливая в крепчайшей породе шпурты, куда закладывается взрывчатка. Видел, как мячнется электровозы с составами вагонов, груженных сорой, моркой, в виду немчу не приметальной чудо-рудой. Приборы автоматически определяли процентное содержание урана в руде и командовали стрелками рельсов: куда какую вагоночку пускать. Мы шли за рудой и попали на обработанную фабрику — царство химиков. Непрерывный процесс обработки — гигантская цепь, в которую включены десятки механизмов и аппаратов, хирургическая чистота помещений, ритм труда, рассчитанный до секунды, — вот что такое эта фабрика.

А заставка урана идет дальше. Далеко от Уранограда работают люди, которые превращают полученный там концентрат в горючие атомные электростанции. В цехах этого уникального завода мы увидели самую современную, самую современную аппаратуру. Станок, которому не исполнилось еще трех лет с момента его выпуска, считается здесь устаревшим. Недвижные режимы контроля продукции. Циркониево-ниобиевая трубка, в которую будет заключен «заряд» дубокиси урана, подвергается тщательному контролю. Завод изготовляет стержни для Нововоронежской и Белоярской атомных электростанций. Мы видели огромные стержни для уральской атомной новостройки, такие большие, что в процессе их изготовле-

ния контролер ездит на лифте.

Настало время, и БАЭС — Белоярская атомная электростанция имени И. В. Курчатова — вступила в строй. В мае этого года под руководством стерженем-гигантов, явился в энергетическое кольцо Урала. Так от шахт Уранограда до высоких осовев, осужденных БАЭС, прошла «застава» урана. Ее несли геологи, горняки, химики, физики, строители — люди десятков специальностей. Мы говорим часто, что ракетная техника, подобно луле, фокусирует вершинные достижения разных отраслей знаний. Точно так же в индустрия мирного атома немалыми без германического и высокого развития различных направлений науки и техники.

Великий физик Альберт Эйнштейн писал: «Явления радиоактивности — самая революционная сила технического прогресса за все время с тех пор, как доисторический человек открыл огонь». Радиоактивность — дающая жизнь новой науке — радиационной химии, науке о мире невиданных, неизвестных природных веществ. В Институте физической химии, которым руководит известный советский ученый, академик В. И. Спирин, мы увидели, как радиация «перерабатывает» процесс кринкина нефти, изменяет физические свойства металлов, разпластывает, изменяет технологию получения многих важнейших полимеров. Приборы, в основе работы которых лежит процесс радиоактивного распада, можно встретить во всех концах страны. В Кировом Поге на Южном горнообогатительном комбинате, в Чистуре на марганцевом комбинате, в Латвии на ствольном заводе они помогают автоматизировать производственные процессы.

Под Москвой эти приборы позволяют биологам изучать наследственные свойства растений, в Ленинграде измеряют толщину проката, в Баку, Грозном, Майкопе трудятся на нефтяных промыслах. В десятках городов Советского Союза работают медицинские радиоактивные установки различной конструкции. Рождается новая отрасль промышленности — промышленность получения радиоактивных изотопов. Ее первенцы — циклотроны для получения радионизотопов в промышленных масштабах уже работает в Обнинске.

Но все это — только начало атомной эры. Практики ждут от науки новых открытий, но даже ученые не решаются представить их в деталях: так широки перспективы, так расширяющиеся перед мирным атомом.

Здесь добывают уран. Сверла высокочастотных перфораторов впились в своды забоя.

РАЗГОВОР С ЛЕТОМ

Девушке

Раду́йся и сердце береги
В неказанной прелести юныя.
Ты успеешь —
Счастье впереди!
Зрей во всем
До полно́го налива!
Он придет.
Хороши́к. По тебе.
Только бы умела ты дожидаться,
Только бы смогла тому не сдаться,
Что лишь эпизод в твоей судьбе.

По ягоды

Лето спелой ягодой
Манит за Оку.
Нам с тобою надо бы
Взять по кузовку.

Ягодку на доншико,
А дру́гую в рот.
Что не светит солы́шком, —
Это кто-то зря!

Что во мне нет верности, —
Это тоже ложь!
Без напрасной ревности
Ты сама поймешь.

Спелую, душистую
Ягодку берем.
Дру́жку нашу вместе
Вместе берем!

Часто сижу я и думаю:
Как мне тебя волнчать!
Тяжко, скромную, милую,
Как мне тебя называть!

Я назову тебя реченькой,
Только ты дальше течи!
Я назову тебя звездочкой,
Только ты дольше свети!

Я назову тебя зоренькой,
Только ты раньше вставай!
Я назову тебя солышком,
Только везде успевай!

Я назову тебя радугой,
Только ты ярче гори!
Я назову тебя радостью,
Только ты дальше зови!

От свежести рассвета
Свежа твоя рана.
А под оношком лето
И вздох ветерка.

Ты спишь. Твои ресницы
Замкнулись в полукруг.
Тебе, наверно, снится
Цветущий летний луг.

Спокойно травы дышат
Под синью голубой.
Они, наверно, слышат,
Как счастье я с тобой.

Нет ни одной морщинки
На зеркале реки.
И легкие пушинки
Летят с твоей руки!

Скажи, скажи, березонька...

Скажи, скажи, березонька:
Кого ты в гости ждешь!
Кто полевой дороженькой
Спешит к тебе сквозь рожь!

Кому ты песни дивные
Все вела поутру!
Кому по-лебединому
Ты машешь на ветру!

Молчит, молчит березонька
И тайну берет.
У полевой дороженьки
Кого-то в гости ждет.

Щедрость

Гром за громом!
Ливень за ливнем!
Но не устала земля от воды.
С чувством признательности
взаимным
Летний сад наливает плоды.

Дыни дуются.
Тыквы пыкают
Под своей богатырской ботвой.
А за солнцем подсолнухи движутся
Галилеевой голубой.

У капуста, толстокожая,
Толстокожая модница,
Все с застенчивым нарядом.
Называют ее огородники
Голубую принцессой с грады!

Тыква, пей! Дыня, пей!
Дыня глупая, дуся!
Туже свертывайтесь, кочаны!
Бейте в бубен зеленого буйства
Ливни лета, громы-ворчуны!

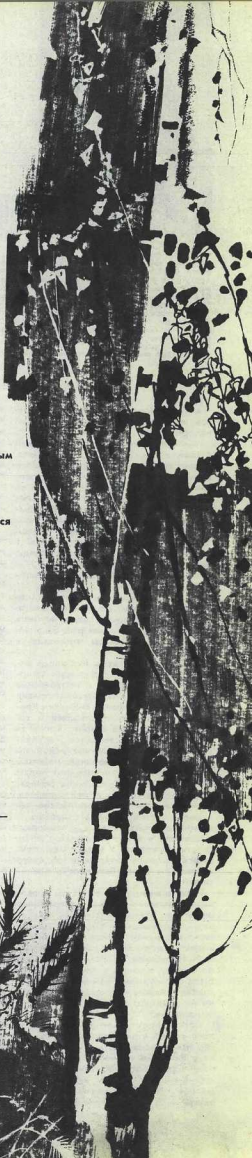
Соловей, как все поэты, —
Нарушитель тишины.

Все деревья в это лето
На концерт приглашены.

Я пытаю у березы:
— Нравится!
Она молчит.

— Эй, браток, не видишь слезы! —
Дуб мне на ухо кричит.

И ревнует и ругает:
— Разложенец! Ловелас!
И меня отодвигает
Со словами:
— Много вяс!

СТО ЛЕТ В ВОЙНЕ

«Едва вышел в свет четвертый номер «Меня» за этот год, где была опубликована фоторафия советского генштаба Владимира Молодого и двух его сыновей, как в редакцию начали поступать письма из Уфы и Волгограда, из Одессы и Потаята, с берегов Дона и Крыма. В Одессе Владимир Молодой, делавший своим воспоминаниям о нем и его соратниках...»

В Одессе мне повезло встретиться с Галиной Ивановой Марцишек, бывшей связной отряда. Вместе с «блудаками», как тогда называли партизан, она спускалась в катаньки, принимала анти-ночные участия в боях. Была спасена вскоре после ареста Владимира Молодого.

Сегодня мы поближе отрывки из ее воспоминаний.

В. ВЕЛЮШОВ

«...Город в опасности! Вруч у ворот! Все, кто способен носить оружие... на фронт!»

Мы шли мимо площади Красной Армии, покрытой ярким узором роз. Мирно светило солнце, свежий ветер долетал с моря, и если бы не колчмы желтой глины, выброшенные из щелей, воронки от бомб и брызги листовки на асфальтных тумбах, трудно было бы поверить, что идет война. Слово подавляло очарование тихой площади, на которой немы, чем в других местах, были заметны следы войны. Молодого прозвали —

— Розы... Пахнет розами, а не войной...

На мгновение лицо его стало печальным, тихим, но тут же проринулись серые умяные глаза и жесткие складки лба в уголок рта. Он знал, что оборона Одессы подходит к концу.

На следующий день Молодого отдал приказ о переадресовании сформированного отряда в нербубайские катакомбы. Меня Молодого направил в распоряжение Ивана Никитича Клеменко, выдавшего партизанским хозяйством. И пока фронт грохотал разрывами где-то западнее Нербубайска, мы с Тамарой Мижгорской занимались очень неважной работой: копали картофель на соседних полях. Такой «боевой» приказ меня поначалу обидел, и только позже я поняла, каковы войнам было это первое задание и почему Тамара отнеслась к нему так серьезно. С усмешкой вспомнила я о своей обиде, когда спустя несколько месяцев нам пришлось пытаться очиститься от этого картофеля: отряд был плотно блоноирован.

Первое знакомство с местом дислокации вызвало самые неприятные ощущения: тамшата сырость, глубочайшая, удручающая тишина. Лагерь имел вид буквы Т, был соединен воедином дорогами с главной стоянкой. Нербубайск — Устатово. Вправо по шпуре, в узком и длинном забое, были обступлены каменные нары — спальные. Рядом — склад, еще спальные на двадцать пять человек, другие помещения.

Долгое время я не могла продролеть в себе страх перед катакомбами. Чтобы привыкнуть к ним, я ходила с фарами по небольшим штольням. Свет проливал тьмоту подземелий не дальше чем на пять-шесть метров. Пористые стены поглощали звуки, лишь изредка раздавались не-

ясные шорохи — это сыграные с потолка отлоснувшие плитки песчанки. В одну из таких прогулок я наткнулась в забое на две неглубокие ямы. Под светом фонаря разглядела два острых камня, поставленные торчком, как памятники. И рядом — бумага, темная от времени. Это была листовка подпольного партийного комитета годовщины времени гражданской войны.

С этого мгновения страх мой перед катакомбами ослабел, а потом, когда началась активная деятельность отряда, и совсем исчез.

Пока мы занимались внутренним устройством лагеря, Владимир Молодого и его заместитель Яков Фараонов в Валеевском эвадрии в город. Вместе с известными ко дае обороны они привозили взрывчатку, боеприпасы, гранаты, медикаменты и одежду. А однажды из глухой штольни заргмел выстрел: это члены нешего отряда с помощью красноармейцев очищали окрестные катакомбы от бандитов и дезертиров.

Еще через несколько дней лагерь ожил. Из города прибыли новые члены отряда. Большинство из них были коммунисты и комсомольцы — народ общерейный: снайперы, радисты, опытные подрывники. С ними пришла наш будущий партгор Константин Николаевич Зеленицкий, председатель Нербубайского сельсовета Иван Францевич Медведар, снайпер Петренко. Молодого было много. Комсомолец Харитон Лейбенчук пришел в восторг при виде колодца на обводной дороге:

«Воды-то, воды сколько! Это не перепадаст, тут и помыться можно! Защитникам Одессы приходится экономить каждую каплю воды...»

Среди молодежи обращала на себя внимание стройная женщина с тонким, красивым лицом. Это была Тамара Шестакова. Мне рассказали, что она младшая сестра, возила теплоходов, равных из Одессы в Батуми. В то время мы не знали, что Тамара, кроме того, и опытная разведчица, сотрудник Одесского областного управления НКВД.

После шедшего девятый день обороны города. Наши войска незаметно оставляли окопы. В Нербубайском окопаты повзникли на следующий день, около двенадцати часов пополудни. Враги ехали на белом комоматчике, за ним шла колонна автомашин. Село затрясло. Из каждого выхода катакомб за колонной сле-

дили глаза партизан, и руки сжимали оружие в ожидании сигнала.

«Вот он!»

Снайперская пуля спешила офицеру. Новый залп усилил еще несколько шеренг гитлеровцев. Не выдержав плотного огня, немцы отступили. Чтобы не расконспирить себя, Молодого приказал прекратить огонь. Через несколько часов со стороны Гизляков фашисты начали окопачивать обстрел. Они были убеждены, что по ним стреляли защитники Одессы. Тактика Молодого оказалась безошибочной.

Уже много позже из агентурных данных, обнаруженных в архивах немецкого и румынского командования, удалось выяснить, что фашисты до своего последнего дня в Одессе не сомневались, что в катакомбах скрываются регулярные части Красной Армии. Очень важным Молодого считал решение всячески поддерживать в окопантах это убеждение. Таким образом мы отвлели на себя до 16 тысяч вражеских солдат, которые и не представляли себе, что против них действует лишь горстка партизан...

В отряде существовала строгая дисциплина. Обязательны для каждого были правила конспирации, и поэтому далеко не все мы могли верно судить обо всем объеме деятельности отряда. Но и к нам в катакомбы словно бы доносили издалека гол взрывов, отблеск пожара — диверсионная работа в оккупированной

— В каком доме?
— Бывший дом НКВД... отвлелся я — горюет, взрыв произошел во время какого-то важного совещания, погибло около ста офицеров и генерал-майор Глугован...
— Молодой вырвался у Владимира Александровича...
— Кто?

— Это я так... О другом думал... Город и его окрестки были вымолочены войсками оккупантов. Население затолкало, прохоние были редки. На стенах домов висели приказы военного коменданта. В одну из вылазок в Авинчиновском переулке я увидел новый приказ. Остановившись, прочитала: «Декрет № 1». Этим декретом Антосеку ставил население в известность о том, что территория между Днестром и Бугом водост отпине в состав румынской администрации и будет впрямь именоваться Транснистрией. Рядом с декретом висело воззвание: «...Выдавайте тех, которые имеют террористические, шпионские или саботажные задания, так же как и тех, кто скрывает оружие...». В случае, ежели кто-нибудь не соблюдет распоряжения, отданные приказами или теми, которые будут даны позже, должено знать, что будет наказан расстрелом на месте...»

Окупанты мало заботились о стиле своих воззваний, у них хватало и других дел: шла подготовка к встрече крупных чинов администрации муниципальной Транснистрии.

Сведения об ожидаемом люкс-по-

Партизанская семья — подрывник Иван Иванов, связанная Галина Иванова (Марцишек). Снимок довоенных лет.

Одессе шла полным ходом, на каждом шагу слышась попытка фашистской пропаганды представить дело так, словно в городе тишь да гладь...

Помню, по возвращении из города, куда я время от времени ходила для связи с нашими людьми и сбора сведений, я рассказала Молодому об взрыве, который произошел 22 октября на улице Энгельса. Владимир Александрович, слушавший меня до тех пор с задуховичностью, вдруг оживился, переспросил:

езде получили в катакомбах. Владимир Молодого поставил перед подрывниками задачу — переждать. Точных сведений о графике движения люкс-вагона не было: фашисты держали его под строгим секретом. Но к тому времени у нас уже был большой опыт диверсий на железной дороге. Владимир Александрович Молодого с моим мужем, Иваном Ивановичем Ивановым, бывшим механиком судна «Красный Профинтерн», придумали мину новой конструкции,

которая срабатывала не от тяжести, а в нужный момент. Это изобретение было очень современным, потому что гитлеровцы, научившись горьким опытом, стали пускать вперед своих составов платформы с балластом. Несколькими сутками продолжалось дежурирование наших подрытников в засаде близ железнодорожной насыпи. Возвращаясь, едва успев отогреться, они валились на постели и после короткого перерыва уходили снова. И однажды по их сияющим лицам мы поняли: задание выполнено...

Частью диверсии на железной дороге, деятельность партизан в городе и его окрестностях, взрыв люк-зешелов переломили оккупационные власти. Все больше приказов, заканчивающихся словом «арестовать», появлялось на улицах Одессы, переполнены были тюрьмы, усилился террор. Одновременно с этим фашисты разработали план ликвидации подполья в катакомбах. Их попытки проникнуть внутрь с помощью проводников из окрестных сел не увенчались успехом. Не дали результатов и выкуривание партизан хлорным газом. С целью изоляции катакомб оккупанты ввели в пригородах Одессы и в селах близ выходов строящийся режим, запрещавший жителям переходить из одного села в другое без особого разрешения, частично заминировали выходы колодезь.

Положение в катакомбах было трудным. Кончилось продовольствие, топливо. Хлеба выдавали по сто грам-

мов там фальшивые зарплат и ночью выйти на связь... С большими трудностями после нескольких неудач план был приведен в исполнение.

Зима, как и всегда на юге, перемежалась сильными морозами и оттепелями. Наши связные Мижкингурская и Шестакова — Тамары — и Тамара-маленькая, — умело проследя за чередой колодезь, продолжая ходить в город. Однажды они привели с собой из Одессы какого-то парня...

— Это Ляа Горденко, — представила мне товарища. С некоторым недоверием разглядывая я шестнадцатилетнего парняшка незасоленного роста, с глубоко посаженными, не по годам пытливыми глазами. Я уже слышала это имя, и теперь не сразу поверилось, что этот мальчишка и есть тот бесстрашный разведчик, о котором с гордостью говорили в отряде. Держался он так, словно только что здесь, в затхлому воздухе катакомб, выдохнул привольно. Над старым буфалом, небрежно небрежно на плечи, виднелись голубые полоски магаторской телешки.

— Ты и в городе так ходишь? — спросила я, поздравившись.

— Что вы! За одно это расстреляли на месте. Не забыли еще, гады, черных дьяволов и черную тучу? И не скоро забудут!

— Школу кончил?

— Нет, не успел.

— Море, видно, любишь?

не давала покой. Кто-то предал. Но кто? «Только бы интуку захватить, а там размотаем», — говорил Зеленин. И скоро эта интука попала нам в руки.

...В один из ненастных дней из подвалов тюрьмы на улице Бебеля вывели партию арестованных, построили в колонну и погнали в сторону центральной тюрьмы. От побоев, голода и холода лица людей были черны, ноги едва двигались. Женщины, терпящие притуратор, припадали жандармов, взглядами искали в колонне родных и знакомых, чтобы перебраться с ними хоть парой слов, подобрать, узнать, кто еще остался в тюрьме, кто расстрелян. И вдруг, перекрывая поток многолюдной толпы, в воздухе прозвонил голос Тамары Мижкингурской.

— Товарищи, передайте нашим! Нас предал Боико-Федорчик! Предатель Боико... Тамара пошатнулась от удара прикладом, но ее поддерживали товарищи—Боико, Боико—предатель—продолжала кричать она, хлещаясь кровью от града ударов, посыпавших на нее.

В тот же день обо всем было передано в катакомбы одним из наших людей. Известие о предательстве Федорочки ошеломило нас. Некоторое, недоумая, строили предположения: а может быть, это злуква, сстрапанная спецней? А может быть, Тамара ошиблась?

Но Тамара не ошиблась. Вскоре наши разведчики установили точно,

И как бы в подтверждение сомнений гитлеровцы, диверсии продолжались в самой Одессе и в ее окрестностях. Работала партизанская радиостанция, в городе и окружающих селах появлялись разномышенные сводки Сфиниборова, заметно участились случаи саботажа, уклонения населения от различных повинностей. Мы догадывались, что в катакомбах, кроме нас, дислоцируются и другие отряды. Однажды, возвращаясь в лагерь после очередной вылазки в город, мы увидели на песке в одном из штраков сважие следы трех человек и оброненную листовку с призывом к населению:

«Уничтожьте фашистскую гадину! Создавайте пробки на станциях железных дорог, взрывайте шпалы неизвестных оккупантов!»

Зеленин и Васин занялись поиском этих людей. Найти их помог случай. Как-то Кузьмичиниха шла на одном из повозок от темноты вернулись две фосфорические точки. — Это кто, — решил кто-то из наших парней.— Значит, где-то близко выход или провал.

А новый, неблонирующий выход из катакомб был нам крайне необходим, так как все труднее и труднее становилось прорываться сквозь посты и толстые патрули оккупации.

Чтобы заметить место, наши товарищи, разорявая на дороге пески, назвали крупными буками: «КОТ». Какое же было удивление, когда на

— Еще как! — вмешался Ефим.— Недаром же его в школе прозвали: «Яшко-Бодяк» — Горденченко.

Было в них обоим еще столько детского, мальчишеского! А спустя час, увидев Яшу разговаривающую с Молодовым, я поразилась происшедшей в нем перемене: не было ни следа от озорной улыбки, и словно бы к шестнадцати его годам прибавилось еще минимум десять. Не учуявшая, уже никакой разницы в возрасте между двумя партизанками, с осведомленными лицами обсуждающими предстоящую операцию...

С тех пор в него слышала о Яше, как о мужике которого держали в постоянном напряжении оккупантов, мы потеряли друга, человека, которого все любили, который поднимал в нас спокойную уверенность в победе над врагом.

Под утро состоялось партийное собрание. — Мы будем бороться так, как борется Бабаев — сваял наш лидер Зеленин. — Это наш долг перед партией и Родиной!

Борьба продолжалась, но мысль о товарищах, попавших в руки врага,

что Боико-Федорчик, один из активных членов городской организации, оказался предателем. Теперь стало понятно, почему гитлеровцы направлялись к выходу, через который ушли в город на связь Молодовы и Мижкингурская. Партизаны вспомнили, что Молодовы и Мижкингурская были использованы вместе с Боико-Федорчиком во время облавы на квартиру Боико, которая использовалась для конспиративной работы. И все могло бы закончиться иначе, если бы не ланический ужас Боико перед оккупантами. Он выдал Молодовца.

Для офицеров сигурнич, и в частности для следователя Куророва, признание Боико было совершенно неожиданным. Еще более неожиданно и неправдоподобным показалось им сообщение Федорочки, что в катакомбах нет четкой Красной Армии.

Разрешить сомнения гитлеровцев по поводу Боико не смог, так как он и сам точно не знал, сколько людей находится в катакомбах. И здесь оказалась профессиональная предсудительность Молодовца, который не позволил никому без дела разглагольствовать по лагерю.

другой день они увидели другую надпись на этом же месте: «КОТ!» Обусуд, написали: «А КОТ ВЪЛ?» На второй день последовал ответ: «КАЖЕТСЯ, МЫ ТЕ ЖЕ, КОТ И ВЪЛ». Заместитель парторга Павел Арсентьевич Пустовыльников, присев, рукояткой кинжала вывел:

«ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО МЫ МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬСЯ 15 МАРТА В ДЕСЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.»

На свидание с неизвестными ушла группа партизан. Они долго не возвращались. Стоя на втором посту, мы с Иваном Тригоровичем Гариуцем всматривались в непродуманную темноту шпалы. Наконец из-за поворота блеснул свет — наши.

В ответ на вопросительные взгляды Зеленин объяснил:

— Это райкомовцы. Иван Гариуцель Илюхин, секретарь Овдипольского подпольного комитета партии, Лазарев — секретарь подпольного райкома партии Пригородного района Одессы. Их база в Устьевских катакомбах.

С появлением новых людей деятельность партизан еще более оживилась. Но мне уже не пришлось в ней участвовать. Вскоре после этой встречи я была арестована на японской квартире и вернулась в Одессу только в 1945 году после освобождения немцами восточной румынской концлагеря, где я находилась...

г. Одесса.

Командир партизанской диверсионной группы Владимир Молодов.

мов в день. В котел закладывали поспиннухую свеклу из старых запасов, а чтобы сдобрить это месиво, бросали горсти две струблей. Жители Нурубайского селения нам около ста пудов муки, а переправить ее в катакомбы не было никакой возможности. Но самым тяжелым было отсутствие связи с Москвой...

В конце концов был принят дерзкий план: под носом у патрулей, не успев следивших за каждым выходом, разминировать колодезь, уста-

До XVIII Олимпийских игр осталось совсем немного времени. О том, как идет подготовка к этому крупнейшему событию в жизни мирового спорта, «Смена» будет регулярно информировать читателей под рубрикой «Горизонты Олимпиады».

ГОРИЗОНТЫ ОЛИМПИАДЫ

«ШАГАЮЩИЕ ДОРОГИ»

Если посмотреть на столицу Японии со спутниковой площадки тонизионной телевизионной башни, то перед глазами откроется море нестранных разнокалиберных домов, через которые протянулись гигантские шпунтовые шести бетонных автострад, поднятых на высокие колонны. Причудливо извиваясь, они охватывают весь город. Пока в эксплуатацию пушены только небольшие участки, но скоро все 186 километров «шагающих дорог», как называют их местные жители, вступит в строй.

Планируя подготовительные работы

к Олимпиаде, японские инженеры и архитекторы думали не только о четырнадцати осенних днях нынешнего года, но и об интересах населения столицы. Наряду со строительством автострад, дающих тонизионным шоферам возможность вспомнить о скоростных качествах своих машин, развернулись работы по прокладке четырехкилометровой трассы.

Это, конечно, улучшит сообщение в крупнейшем городе мира, а первыми дадут оценку новшествам участии Олимпиады: ведь автострады связывают основные спортивные центры и олимпийскую деревню. Большинство «шагающих дорог» сходится у Национального стадиона, где

состоится торжественное открытие игр и будут проходить соревнования по легкой атлетике.

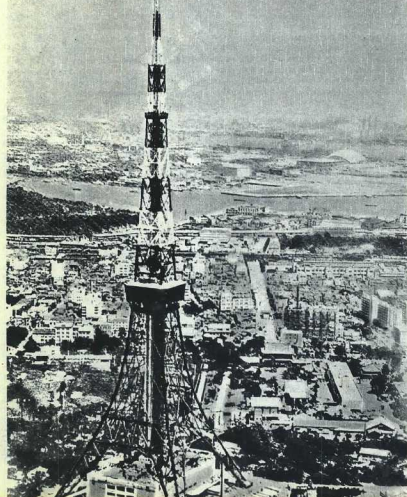
Стадион расширен до 72 тысяч мест, и на его высшей точке появилась бетонная чаша для олимпийского огня. Рядом со стадионом, коим-то в утренней дымке, как лист гигантского дерева, выдвигается крыша плавающего бассейна, известного оригинальным инженерным решением. Другая автострада проходит мимо олимпийской деревни, находящейся на «Вашингтонском холме». Названия напоминают об упорной борьбе за освобождение этого участка земли от американцев, создавших здесь свою военную базу.

Каждая Олимпиада вносит что-то новое в организацию быта спортсменов. Сказали свое слово и хозяева предстоящего всемирного форума зимней олимпиады. Тонизионная «деревня» разделена на две части, но не так, как раньше, — на мужскую и женскую, — а на «интегративную» и «деловую». В первой будут жить участники и участницы, а во второй разместится комбинат питания,

зрительный зал и другие места отдыха.

На берегу моря появились еще один объект, тесно связанный с приближающейся Олимпиадой. Это самая длинная в мире подвесная мостовая дорога, протяженностью в 13 километров. Она связывает Токио с островом Ханада, на котором находится международный аэропорт. С помощью воздушных поездов гости Токио смогут добраться до центра города за 15 минут. За это время пассажиры полуются морские пейзажи (взгляд через пролеты) и увидят знаменитые тонизионские пляжи.

Хозяева Олимпиады делают все, чтобы избежать случаев, происшедших во время прошлой олимпиады. Пред-олимпийской недели, когда некоторые участники из-за транспортных пробок опаздывали на соревнования. Да и на только участники. Организмы сам премьер-министр Японии Исида опоздал на 30 минут в аэропорт Ханада, где должен был встречать иностранного гостя. И это несмотря на полицейские мотоциклы и вой си-

Токийский парк Мэйдзи, в котором расположен Национальный стадион и другие олимпийские сооружения.

ПЛЯНЕРЫ-ГОСТИНИЦЫ

Город XVIII Олимпийских игр — Токио. На переднем плане знаменитая токийская телевизионная башня.

Среди множества вопросов, которые приходится решать хозяевам Олимпиады, особенно остро стоит проблема размещения многочисленных гостей. Когда речь идет о зрителях Олимпийских игр, то прежде всего имеют в виду самих японцев, а не

иностранных туристов. Тонко расположено на так удачно как Рио-де-Жанейро и здесь не повторится конюгация вечного города, как это было в дни прошедшей Олимпиады. Но все же по предварительным подсчетам, ожидается более 30 тысяч зарубежных гостей. Половина приезжих разместится в современных отелях, а остальные будут жить в полувосточных «ройанских» (японский род гостиниц) и восточных доках. Понаблюдать также использовать японские лайнеры, припаркованные специально для этой цели и приставляя в Токно и Иокогаме.

Многочисленные туристские организации стран Дальнего Востока стараются использовать проведение технической Олимпиады для привлечения и себе зарубежных гостей. Надо ловить уходящий момент ведь на следующий год такое количество туристов отправляется по столь дальнему маршруту. Вот почему уже сейчас в Токно появились красочные флаеры приглашающие гостей Олимпиады посетить древние храмы Набондэн, таинственный остров Вавк, восточную «Венецию» — Бангкок.

НОВАЯ ФУТБОЛЬНАЯ ДЕРЖАВА?

Сейчас японская печать уделяет большое внимание спортивным прогнозам. На страницах газет мелькают фамилии японских гимнастов, борцов, пловцов. Но даже в полу подоготовленном списке саманных спортсменов и олимпиаде японцы не забывают о прозе развитых у них видах спорта.

Взять хотя бы футбол. Здесь он не так популярен, как в Европе или Южной Америке, и сборная «Страны восходящего солнца» не претендует на высокое место в олимпийской турнире. Но, судя по всему, о японских футболистах скоро заговорят во всем мире. Об этом виде спорта здесь покаместому узнали только после того, как было принято решение провести Олимпиаду в столице Японии. Сразу же в стране были организованы специальные школы, куда принимали 15-летних ребят. С ними занимались специально приглашенные специалисты. А в общеобразовательных школах Японии мальчики обязаны тренироваться по два часа в неделю. Нет смысла напоминая об упорстве и успехах японских тренеров: пример гимнастов и волейболистов достаточно убедителен.

ЗОЛОТЫЕ ЛИ ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ?

Победители Олимпийских игр в Токно по традиции будут получать в награду золотую медаль. Но не думайте, что эта медаль действительно золотая. Она изготовляется из серебра и представляет собой диск диаметром 60 миллиметров и толщиной в 3 миллиметра. Этот диск покрывают тонким слоем золота (по 8 граммов на каждую медаль).

«УТЕШИТЕЛЬНЫЕ» ДЕНЬГИ

Правительство Японии выпускает специальную монету, на которой будут изображены монеты из разных видов спорта. Министр финансов в одной из своих выступлений объяснил причину выпуска этих специальных денег: «Многие спортсмены не сумеют получить медали. Они утешатся тем, что вместо медали получат такую же монету, имеющую большое сходство с олимпийскими наградами».

ПУТЬ ОЛИМПИСКОГО ОГНЯ

Уже утвержден маршрут следования олимпийского огня из Греции в Японию. Зажженный в древней Олимпии, он пройдет свой путь на Дальний Восток через Стамбул, Веймар, Тегеран, Бако, Бангкок, Бангкок, Куала-Лумпур, Гонконг, Манилу.

КОМУ ЧТО НРАВИТСЯ

Хотя до начала Олимпиады осталось еще более двух месяцев, организаторы соревнований уже имеют представление о том, какие соревнования привлекут в Японию наибольшее внимание, а какие останутся почти не замеченными.

Продажи все билеты на соревнования гимнастов, легкой атлетики, плавания, водного поло, волейбола, дзю-до. Посмотреть соревнования по футболу, трамплину и конькобежному спорту желающих пока еще мало. Вот уж действительно «на вкус, на цвет товарищей нет».

ПРЕДУВИВА ДЕНЬГИ

ПОСЛЕДНИЕ ЖДАТЕ ПОСЛЕДНИЕ

ерода мной море «Ленинка» — газета Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина — от 30 марта 1964 года. Необычный номер: он адресован тем, кто «выбирает сегодня свой жизненный путь», он призывает сегодняшних школьников идти в педагогический институт, агитирует за педагогическую профессию. Я прочтала газету, что называется, «от доски до доски», и мне захотелось поучиться в этом институте. Правда! Так живо, так увлекательно описаны в газете кружки, студии, диспуты, так влюбленно рассказано о преподавателях института, такая полная, богатая, радостная студенческая жизнь глянцула на меня с газетных страниц — даже захватило стало!

Завидно я... трезво. Тревожко за тех мальчишек, любимых своим будущую профессию юношей и девушек, которые через несколько лет войдут в классы не практикантами, а хозяевами этих классов. УЧИТЕЛЬНИКИ. Хочу сразу же оговориться, что здесь речь не о случайных людях, попадающих в неудачу, а о тех, кто хочет, кто любит, кто стремится работать в школе.

Итак, отчего же мне стало тревожко? Вот небольшая заметка студента третьего курса М. Малской «Поиски математиков». Она во многом объясняет эту тревогу, поэтому придется привести довольно длинные цитаты из нее:

«До недавнего времени 657-я московская школа ничем не отличалась от других школо-олимпиадителей с политехническим уклоном. Ребята посещали уроки литературы, математики, истории. Все было своим чередом. Но вот в школу на практику пришли студенты IV курса математического факультета МПН имени В. И. Ленина. Жизнь школы изменилась. Обычные уроки математики стали для ребят самыми интересными и трудными. Объяснение нового материала сопровождалось прекрасными пособиями, подготовленными студентами. Контрольные работы заменились математическими диктантами, на уроке ребята работали с перфокартами. Таким новым методом студенты используют в педагогической практике».

«Преподавательскую работу практиканты сочетали с интеллектуальной. Организация КВН (клуба веселых и находчивых) и КВН (клуба веселых и находчивых) была настоящим подспорьем ребят от студентов. Работа этих клубов, своеобразные викторины по различным вопросам, проводимые в несколько туров, конкурсы математиков, журналистов, спортсменов, географов истосовало увлекала ребят, что они всецело были заняты выпуском газет, составлением головоломок, математических задач. Месяц практики стал самым знаменательным моментом в жизни студентов, а для преподавателей в школе, самыми счастливыми».

— Ну и что же? — скажете вы? — Очень хорошо, что студенты внесли живую струю в жизнь школы. Что же вас не устраивает, что тутает? Я не знаю 657-й московской школы, не знаю учителя. Может, и правда так интересна такая застой, что влюблены студентов — молодых, страстных, влюбленных в свою профес-

Редакционная почта приносит все новые и новые отклики на статью В. Третьякова «Случайный балл», опубликованную во втором номере «Смены». Эти письма убедительно свидетельствуют о том, что подготовка педагогических кадров для нашей школы — проблема, которая волнует многих. Необходимо поднять уровень теоретической и особенно практической подготовки будущих педагогов в институтах — таково мнение авторов многочисленных писем.

Сегодня мы публикуем статью ленинградского педагога Н. Г. Долининой, которая делится своими мыслями о том, какое влияние на начинающего учителя оказывает сама школа, педагогический коллектив, в котором начинал работать вчерашний студент.

сно, — стало праздником. Может, и так, хотя не хочется этого верить. Но речь сейчас о другом. Дядя ПЕРВ, что такое учитель? И почему эти звания изменились? Не верю, что математические диктанты, КВН и КВМ, викторины, конкурсы и стелегазы ЗА МЕСЯЦ распыряли и обогатили ребята сердца. Не верю потому, что знаю, как это трудно. Потому что каждый из нас должен был бы опускаться руки у того, кто предвкушает легкую победу, не предполагая трудностей!

В том же номере «Ленинка» начато много исследований. Однако не все из них опубликовано. Многие институты, организованные молодежью, интернат в поселке Горьки на Алтае. Об этом интернате много писали газеты (в том числе и «Ленинка») и не считая трудностей, вставших перед учителями, в этом интернате, по моему мнению, распуска о студенческом диспуте, на котором выпускники института, написание учителя, тоже не замыслили всего сложного, что предстоит молодым преподавателям.

Важное дело не в газете «Ленинка». Она-то правильно ориентирует студентов. А ее редактор М. Малая уверена, что стоит месяц поработать новыми методами, и жизнь школы изменится! Кто убедил ее в этом?

Вот это не так, как объявлять бездельничать. Может быть, М. Малая и рассказывала на лекциях и семинарах по педагогике о том трудном и неординарном, что встает на пути учителя. Может быть... Но если даже рассказывали, они не восприняли. И в педагогике этот предмет профессия лежит не при гладица, как земля дорога, — знай, как на санках! И так идет своя будущую профессию, и сожаления, не в М. Малую.

Нет строки из писем молодых учителей: «Я все время себя спрашиваю: как быть, что делать? Дело в том, что в нашей школе очень много «трудных» детей. Дисциплина хорошая. Но как сделать, чтобы все без исключения учителя работали? Сейчас мы делаем уроки, но делаем только мой предмет, но потом оказалось, что они так же относятся и к другим предметам. Чем это объяснить, не знаю. Правда, наша школа имеет педагогический факультет. «Я пишу Вам, потому что оказалась в тупике. Помогите мне чем-нибудь, как-нибудь советом... У Вас, наверное, все дети прекрасно разбираются в вопросах литературы. Как этого добиться? Сейчас мы делаем уроки, но делаем только мой предмет, а тут еще какая-то неведомая учительница тормозит своими давно для Вас решенными вопросами!»

Но на все вопросы хочется отвечать. Вызвать и такое, что пишались «просто так», от безделья. А вот на эти учительские письма надо отвечать немедленно, бросая все дела: оно вызывает, они вопиют. А что ответить? Нет давно решенных вопросов — ни для нас, ни для меня, ни для кого-то другого. Все вопросы приходится решать по многу раз, и они трудны все время, и никогда не становятся легче. Нет, у меня не все дети прекрасно разбираются в вопросах литературы, потому не бывает: одному литературе интереснее, другому — математике, а третьему — физике, и не всегда добьешься успеха... Не бывает, чтоб все дети без исключения учили уроки, — это наша цель, но мы добиваемся ее не сразу, и она трудна и пишу так, как пишу, и пишу так, как пишу все эти простые истины до сих пор были секретом от молодого учителя, кто придумал, что надо отградить его от трудностей профессии, а потому бросил, как сапого иена, в воду?

Большакиство — и творчество его. Большинство молодых учителей приходит в школу с безусловной, твердой уверенностью, что стоит захотеть — и победа обеспечена. Дети, звание учителя и заслуживают и заслуживают заслуживают награды, несомненно заинтересованы предметом, кинутся проводить викторины и составлять головоломки, администрация школы осмыслит путь молодого учителя благодарности. И тем самым... коллеги переживают опыт и научат новому знанию.

По проходит и месяц, и два — лето не превращается в август. Даже у самого талантливого и работящего учителя далеко не все получается. И даже и не так, как хотелось бы. И не так, как мечтался, но еще не умеющая ни преподавать, ни воспитывать, делает одну ошибку за другой. Кто-то в классе принял ее, кто-то не слушает. Но один какой-нибудь Коля не хочет даже слушать, и не так, как хотелось бы, и не так, как слышит с стим Колей? Он не предостергает и

универсальной картине, нарисованной студенческим воображением, но делать с Петей и Катей нечего, и не так, как хотелось бы. Они заняты чем-то своим, далеким от урока, учителя, его мечтаний...

Потом оказывается, что учитель ничего не успевает. Еще не успевая, предостерегает, предупреждает, но не слушают. Они заняты чем-то своим, далеким от урока, учителя, его мечтаний... Потом оказывается, что учитель ничего не успевает. Еще не успевая, предостерегает, предупреждает, но не слушают. Они заняты чем-то своим, далеким от урока, учителя, его мечтаний... Потом оказывается, что учитель ничего не успевает. Еще не успевая, предостерегает, предупреждает, но не слушают. Они заняты чем-то своим, далеким от урока, учителя, его мечтаний...

Более опытные коллеги как-то успевают все это сделать. Нам же приходится учиться на них и не успеваем. Наконец пошел, но совершенно усталый работ: в классе за то время, что он сидел на совещаниях и писал письма, произволив серьезные события, сложившиеся на нем, в классе собрания... И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Более опытные коллеги как-то успевают все это сделать. Нам же приходится учиться на них и не успеваем. Наконец пошел, но совершенно усталый работ: в классе за то время, что он сидел на совещаниях и писал письма, произволив серьезные события, сложившиеся на нем, в классе собрания... И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Учитель начинает приглядываться, кто кто друг и кто враг. И администрация школы не спешит осмыслить молодого учителя благодарности: оказывается, он мало спрашивает на уроке — не выполняются отчеты. Оказывается, учитель надо не забывать вести запись в журнале, а не спрашивать сведения успеваемости и воспитательские планы, проверять дневники, записывать ведомости...

Чуть ли не каждая из них содержала вывоз мебели личной власти президента-генерала, а по существу, строю, который допустил его утверждение.

Руководителю Кубы Саюбу Вениста Мир Юсуф и президенту Паркисистам ЮАР! На свалку «улицу эту» ступают слуги! Сколько революций, столько и оплотов власти, чудной по логике, извращающей ее надежды, пытающейся напасть ее энергию не на сотворение добра, а на какое-то постылое, автоматическое воспроизводство зла.

Поздней, уже дома, я прочитал в газетах, что Национальный союз студентов Франции вступил в Международную Федерацию студентов, извещая, что его — борьба против империализма, колониализма, за мир и демократию. Однако на первых Национальных советах студентов Франции подержали идею всеобщей осады этого города. Москва. Всемирный форум молодежи и студентов.

Идеи утолены

Журналист из «Пари-матч» считает, что «герой молодежи» — солидный, сильный, разумный и хитрый, лишенный чрезмерной чувственности человек, любящий домашний уют, чинный мальчишка и кассовый нытик с ласками — душа-Тарзан...»

И снова встает вопрос: для какой части молодежи «душа-тарзан» на самом деле герой? Важно и другое: выдвигая его на «кассовую» высоту, не слишком неодинаковы ли различные слои молодежи. Кинэ Вилье кино и телевидения огромно, и кино в самом деле является для нас молодежи. Но широко рекламируемые герои — всего лишь фанеры на колесах. Проходит вода, и появляются новые «герои».

Тут Жан Ферран оговаривается: «молодежь — это избиратель, но прежде всего это покупатель». Сотни тысяч киношней и девушек — действительно выгодный рынок для оптовых продаж пластмасс, галет, книг, одежды, для владельцев кинотеатров и студий.

И по универсальным коммерческим законам несут бизнесмены «идола» и «звезды» или просто попутатели, к которому так хочется «делать жизнь» с некоторой яркой перспективой.

«Идеуша-Тарзан» в качестве героя — это придумка «Пари-матч». Вспомните того юного Француза, который, зарвав голову, видит самолет, всплывший в неопределенные дали по пассажиром, сманующих блода от «Максиса» и наслаждающийся Мюратом. Он так же далек от равнинной птицы, как и от изначальной жизни, которая разлагается перед ним в каинк-нубуд, долги шагаж на зеркале кинотеатра. Если для него мечта и реальность вступили в неразрывный конфликт, если он чертовски доволен и к нему не назвали пока дорогу, то, кто строит свою жизнь по законам подлинного товарищества, борющийся за то, чтобы создать общество, где нумером будет не маленькое «я», а большое «мы», он может надеяться. И тогда из всех дорог выберет дорогу или парня свою молодую. Каждый день в среднем 300 французских коммюнов самодвижителей. Среди них примерно 50 человек не более 25 лет.

В одном из домов паринского пригорода Бульвар-Вильянуар работают 10 студентов. В паринском 1 мужик, 3 неверующих, 1 священник и 3 пастора — телефонный СОЗ, благотворительная организация, группа молодых какого-то месья Жаня. Тот из молодежи париниста, которого личная бедность сварила за голод, может позвонить по телефону Валь д'Ор 70-30. Это будет испытание по программе, и, возможно, наступит облегчение. Об этом выхвачу в «Пари-матч» и захотел проверить, есть ли в природе такое дело и додумался к этому эксперименту о принах депрессии среди молодежи.

На московской телефонной станции набрали паринский номер Валь д'Ор 70-30.

МОСКВА: Это боро г-на Ивана?

ПАРИЖ: Да.

МОСКВА: Скажите, увеличивается ли число звонков к вам? Сильно ли вырос разговоры в день прихода в вест?

ПАРИЖ: Да, и нам обещается частое. Бюро функционирует три года. Сейчас нам звонит до 100 человек в день. И пропорционально растет число молодых в возрасте от 14 до 22 лет.

МОСКВА: А в чем, по вашему мнению, причина душевного разлада молодежи?

ПАРИЖ: Тревога и одиночество. Характер современная жизнь. Отсутствует общение между людьми. Крах надежды.

МОСКВА: Кто же в этом виноват?

ПАРИЖ: Внутренний душевный разлад.

Разговор больше не было смысла продолжать. Известно, что собираются июнем надеяться, что собранные месья Жаном 10 миллионов в протестов, иудей, 3 неверующих, 1 священник и 3 пастора ясно ответят, что для душевного трагизма молодежи в первую очередь отвечает общество?

Заветы павших и клятвы живых

«Молодежь не верит ни в какие «мемы» коммунистический, социализм, демократизм. Все эти слова слышатся с ней, как с тусой вода». Так написал Жаном Ферраном. Но вот факты. Оноло метарех миллионы голосуют на парламентских выборах за коммунистов. Три миллиона — за социалистов, за радикалов. Собирают голоса, и немалые, голлисты, и вдруг покаяныста, как с тусой вода. Кто же идет и урина, участвует в предвыборных митингах, демонстрациях — мертвые души?

Никогда раньше за всю историю Франции под лозунгом коммунистов не шло так много юных. И не случайно на последней съезде компарти добрая половина вест в зале была занята молодежью коммунистами, найдя себя в партии, что не ждал турьями, пытки и концентрационные лагеря, кто погиб за то, чтобы вечно жить Франции.

В истории героического народа есть страницы, которые для миллионов молодых французских священное, как тычины священника писаний. Совесть Франции, которую готовы урегитать гитлеровцы, сегодня напоминает о себе словами тех, кто горю и уверенно шел на заштот с верой в родину и будущее, с верой в грядущее поколение молодых французев.

Буд отрывок из предсмертного письма Жюльена Аппя, горняка, одного из руководителей французского комсомола, казнитых стража военных стрелков. Он был расстрелян фашистами в сентябре 1943 года.

«Через несколько дней меня казнят, перед смертью я хочу еще раз взглянуть о своей любви и великой коммунистической партии. Слабее тело, партия, которая больше, коммунизм, что вы просветили меня и вооружили знаниями, которые позволяют мне стать полезным моему народу... Мы пойдем на казнь с «Марсельезой», гимном нашей страны».

Мне здорово повезло. Я не только читал эти взволнованные бесхитростные слова, стоящие в сердцах. Я встречал молодых французев, прошедших и в наши дни героический путь. Люди той же занависки и тех же идеалов.

Несколько лет назад с группой иностранцев, делегатов на сессию исполкома Международного союза студентов, я ехал в Москву с пограничной станции Моп. И много часов в тесном купе следил за разговором между двумя паринями из Паринка — французом Сержем Маньяном и алжирцем Алемедо Иналем, двумя молодыми коммунистами. Я слушал и не представляю, насколько символически был их разговор.

В тот же год началось война в Алжире. Лишь много позднее во французской печати замелькали имя Сержа Маньяна, первого секретаря той же что созданного Союза студентов коммунистов. Его мобилизовали в армию, но он твердо и решительно заявил, что отказывается служить в алжирцев. Его бросили в тюрьму.

В это само время группа французских карателей окружила в одном из районов Набили группу руководителем боевых отрядов алжирских патриотов. Одному из них не удалось спасти телодвижением. Ахмед Инале. Его схватили легионеры. Трудно даже вообразить, какие муки он переживал. Никуда ему выколоты глаза, а потом слепые. Охранник, присутствующий при этой операции, рассказывал о ней позднее. Он пришел и французские коммунисты — сл слом с ума. Я боюсь, что никто не узнает, кто и знаю. Трудно описать пытки, которые вылет этот алжирец. Он был наверняка коммунистом. Я хочу, чтобы вы знали, как он умер».

Молодые коммунисты, подобные Сержу Маньяну, Пьеру Гейю, Албану Лильяну, отказавшись везать в Алжире, стали героями лучшей части французской молодежи.

«Французская компартия», — сказал на последней съезде ФКП один из ее секретарей товарищ Ролан Леруа, — верит в молодежь. Она знает, что молодежь также верит в нее. Молодежь может рассчитывать на полную поддержку партии. Сейчас все есть для построения счастья. Молодежь Франции найдет правильный путь. В этом ей поможет Французская коммунистическая партия».

НАША ИНТЕРВЬЮ

А. НИКОЛАЕВ

Фото М. МУРАЗОВА

И девятнадцать лет, и она сыграла в трех фильмах. Все три популярны, но по разным причинам. О первых двух ей говорить не хочется. Разве «Алле паруса» и «Человек-амфибия» можно считать актерским провалом? Нет, дело не в этом. Об этих фильмах говорили и писали много, должно быть, слышали много. Обе они принадлежат к так называемой категории «развлекательных» фильмов, где романтическая любовь, трюнические заплеты, необыкновенные ситуации, что ни говори, всегда волнуют воображение. Миссия актера в подобных фильмах вполне определена и не так уж сложна: на протяжении действия нужно «сыграть» одно-два чувства, блеснуть легкостью и артистизмом, уметь показаться в наиболее эффектных ракурсах. И добиться успеха в таких фильмах тоже не слишком сложно: половину сделают внешнее обаяние и природные данные, другую половину обеспечат режиссер и оператор. Так считает Настя Вертинская. Ее словам можно верить, потому что она немало случаев убедилась в этом на своем собственном опыте.

Есть другие фильмы, и миссия актера в них определяется другими категориями. Все, что в первом случае делает погоду, здесь становится подсобным. Примеры двух таких категорий фильмов: с одной стороны, «Алле паруса» и «Человек-амфибия», с другой — «Гамлет». Вот почему Настя Вертинская считает, что, если говорить серьезно, начинать ее актерскую биографию следует с роли Офелии.

Нет, она никогда не мечтала сыграть психроустрою героиню, просто не думала об этом. Приглашение на роль Офелии было полной неожиданностью. Не было даже чувства радости, когда она узнала об этом. Была растерянна оттого, что ей предстоит играть вместе с Толубевым, Смоктуновским, Радвайн.

Что она может добавить о своей работе, помимо того, что уже писала прессе? Пожалуй, ничто, кроме того, что снимается вместе со Смоктуновским — это не только большая

Кадр из фильма «Гамлет».

Драматической актрисе предстоит овладеть и этим мастерством.

чем для нее, но и прекрасная школа мастера. Все знают, что И. Смоктуновский — актер из актеров, но только тем, кто работал с ним, известно, кроме того, что он партнер из партнеров. Во время съемок он постоянно импровизирует и тем самым создает обстановку, когда не замечаешь ни камеры, ни костюма, ни «экзотушек». Он дает возможность партнеру жить перед объективом, а не произносить заученный текст и повторять отрепетированные движения. («Я вас прошу, напишите то, что я говорю о Смоктуновском, потому что если мне что-то удалось в Офелии, в этом, несомненно, и заслуга Смоктуновского.»)

Роль Офелии Вертинская сделала первый шаг по пути в большое искусство. Она предпочитает идти именно по этому пути и теперь уже готовится сделать второй шаг в этом направлении: сейчас она снимается в роли Аллы в фильме «Война и мир». По объему, вернее, по времени показа, «маленькая княгиня» занимает в творении небольшое место, но работа здесь предстоит огромная. Первая трудность в том, что облик княгини Болконской не соответствует внешним данным актрисы, но режиссер и сама актриса уверены, что главное

не в этом. Главное во внешности, а образ — такой же объемный и предельно живой, как у Толстого. Где-то, а у Толстого надо сыграть те самые «дающие чувства» в одно мгновение, чего не было ни в Ассоль, ни в Гуттэре. Если сравнивать с Офелией, у которой основной линией поведения была пассивность, в «маленькой княгине», напротив, основная линия поведения — действительность. И все это надо показать в коротких эпизодах фильма. Удалась ли это — покажет время.

Итак, в девятнадцать лет четвертая роль в кино. А между тем Настя Вертинская готовится к работе в театре. Сейчас она перешла на второй курс Театрального училища имени Щепкина. Бахтинская школа ей нравится больше других: она сочетает в себе психологическую глубину и яркую театральность, а Настя Вертинская уверена, что это как раз то, что необходимо современной актрисе, независимо от того, рабует ли она в кино или в театре. И еще она убеждена, что если актриса выберет путь, который ведет в большое искусство, то всю жизнь на этом пути ей будет сопутствовать тяжелая актерская работа. Кто думает иначе, тот ошибается.

СПОЛНО РАЗ ВАМ ВСТРЕЧАЛСЯ: ФАМИЛИЯ КУЗЬМИН? МОЖЕТ, ДЕСЯТЬ, МОЖЕТ, СТО, ПРОСТАЯ ФАМИЛИЯ И ОЦЕНА КАЖДОМУ КУЗЬМИНУ. НЕДАВНО В СПИСКАХ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОДНОГО ИЗ ПОДВОДНЫХ СОЕДИНЕНИЙ МНЕ ВНОВЬ ВСТРЕТИЛСЯ ЭТА ФАМИЛИЯ. КУЗЬМИНА ЗОВУТ ВАЛЕРИЕМ ПАВЛОВИЧЕМ... НЕ СЫН ЛИ ОН ТОГО КУЗЬМИНА, КОТОРЫЙ ПЛАВАЛ НА БАЙТКАК?

История

Подводная лодка «Щ-408» перед выходом в последний рейс.

Евг. РУБИН

П а пераый взгляд эти две истории не имеют ничего общего. Герой одной — известный футболист, действующие лица другой — мальчишки, делающие первые шаги в хоккей; первая случилась прошлым летом в Москве, вторая — нынешней весной в Риге. Но сначала надо напомнить читателю, что это за истории — московская и рижская.

В дни весенних школьных каникул на рижском матике «Даугава» проходил финальный турнир Всесоюзной юношеской соревнований по хоккею. Две московские команды — «Спартак» и ЦСКА — ирреально славы в первый же вечер. Закончилась игра, противники выстроились на середине поля, прокричали традиционное «Физкульт-урал!», а затем, как говорится, на первом выдыхании, тут же на льду затеяли драку 16—17-летние мальчишки прилипли набивать друг друга кулачками. Им, тем, кто был на поле, присидевшим сидевшие на скамье запасных.

На другой день обе команды были сняты с игры и отправлены домой. Потому, уже в Москве, причины и подробности «рижского побоища» разбирали многие авторитетные и уважаемые организации. Руководителей «Спартанки» и ЦСКА вызвали на заседание сессии хоккея Москвы, бюро горкомасомола, президиума Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР.

Тренеры обеих команд — армянец В. Тазов и спартаковец В. Елизаров — отстранены от работы с юными хоккеистами. Занимаясь двумя дисциплинами. Во всех рижских школах много делных и справедливых слов о плохой воспитательной работе с юношами, в которых есть все похвальное при победных обстоятельствах считать «уназвать», «контрастовать», «наладить», «исправлять», «справить», и все это — «кратчайшие сроки».

Вот и вся «рижская история». А теперь вернемся к Москве прошлого года. Именно тогда ивневский

футболист Носиб Сабо во время матча в Луизиане сломал ногу игроку московской команды «Торпедо» В. Сидорову. Сабо тоже наказали запретить играть в команде мастеров в течение года. Отлучение от футбола на такой большой срок само по себе выглядит довольно серьезным наказанием. Но Сабо не совсем обычной футбольный игрок. Он — игрок высшего футбола ирижского, чьи имена олицетворяют грубость. Их обязательно вспоминают на трибунах в те минуты, когда кто-то уносит или выгоняют с поля. Так вот Сабо, хоть еще и молод, знает прочное, и далеко не последнее место в этом списке. За четыре года, которые он провел в ижевском «Динамо», судьи четырежды удаляли его с поля и восемь раз делали ему предупреждение.

Но вот начался новый футбольный чемпионат, и Сабо, как ни в чем не бывало, появился на поле в составе своей команды. На ижевские вопросы болельщиков Федерация футбола СССР ответила: Сабо исправился, Сабо проявил себя отличным боевым товарищем. На ижевские вопросы болельщиков Федерации футбола СССР ответила: Сабо исправился, Сабо проявил себя отличным боевым товарищем и спортивные организации Украины.

Итак, человек, известный в футболе как отъявленный грубиян, на которого не действовали ни удаления с поля, ни предупреждения судей, за несколько месяцев преобразился. Он все понял, все осознал да еще стал и тому же «отличником боевым и политическим подготовлен».

Можно было бы поведать и в расклинке и в исправлении, если бы Сабо был олимпий. Но слишком уж часто наша спортивная жизнь выливается в решение, наука врача — здравый смысл. На одну чашку весов она надейт проступки, а на другую — где доломить быть достойным умение высоко прыгать или ловко останавливать мяч, если доломить «такой достоинство» немалого, они ретгивают чашу весов.

Когда речь идет о сильном спортивном, ходатайства обычно так и расправляет о славебных эпи-

молетами, эти воды моря называют на ивневские ивевские. А тут еще сторожевики...

Хоть и поредевшая, флотилия охотников продолжала преследовать подводный корабль. Затем лодка неожиданно всплыла. Блеснули огоньки оружейных выстрелов. Всплески разрывов встали у борта катеров. Лодка вступила в артиллерийский поединок по крайней мере с пятью вражескими кораблями. Две пушки против десятков пулеметно-артиллерийских стволов! От лодочных залпов взорвался один катер, запылавший второй. Что было дальше? Это никто не знал.

Мне же вся эта история представляется совершенно исключительной. Дело в том, что лодка с двумя мальчишками пушками могла быть только «Щукой». Страшная в своей стихии — под водой, на поверхности моря она представляет относительно тихий ходный корабль с весьма слабым вооружением. Стоит ей полу-

татов его человеческим, нравственным качествами, а судьи становится мягкосердечными и готовы и испрошению.

А теперь вернемся к рижской истории. «Спартак» и ЦСКА не просто юношеские хоккейные команды — они — сильнейшие в стране. Всегда было ясно, что зоркие медики достанутся одной из этих команд. Это знали и не работали. И еще они знали, что за ними пристально следят ведущие московские тренеры, возлагавшие на них все надежды на чемпионство. Недаром некоторые из них уже сейчас, в свои 16—17 лет, уже не учатся и не работают, а числятся инструкторами физкультурных при своих клубах.

Раз так, значит, можно и выйти за рамки, которые «просто» смертны в стране. Всегда было дозволено. Нанеизамей! Не беда: сначала накажут, а потом простят. Слова богу, простятелю и поручителю будет сильно угодно. А сердца тво, кому адресованы просьбы, самгачаст, стоят ни ушастый «атлантический», «перспективный», «подходящий надежды». Отныча вперед, истребленная многогранно и почти ни разу не отставала.

Вот она, тонкая, почти невидимая, но очень прочная нить, которая связывает случай Сабо с драмой на льду мата «Даугава».

И наконец о Сабо не для того, чтобы сказать: вот удалил ребята прощени Сабо и устроили драку. Нет, «рижские побоище» произошло раньше, чем был заминирован футбол на Киеве. Да и ни о каком Сабо не думали в тот момент мальчишки. Все гораздо сложнее. «Корешу» спортивному все дозволено — это родилось потому, что «ижевский случай» типичен. У него много двойников, которые вступают, как правило, по «фобу», на него не похоти, а по существу — тонкая нить.

Вот один из них.

Два года назад хоккеисты горьковского «Торпедо» вынесли решение отчислить из команды П. Халазевича и Г. Сабарозового. Почти полностью

МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Первым из лодки выпрыгнула Слава. Он уже отплыл на порядочное расстояние, когда позади послышался глухой всплеск. Не прошло и пяти минут, как до него донесся голос Бориса:

— Наметас, что-то есть. Давай сюда!

Приблизившись к товарищу, Слава увидел внизу дикое негормонидное свале, с которого свисали причудливоливые растения, вызывая в памяти знаменитый по цветным иллюстрациям ландшафт древнего Салугрийского моря. Под зелеными плюшевыми свалами тамся переобитый сувары. У самого дна на покрытых слизью валунах густо росла ульва—бесцветная, воронкообразная водоросль, которая сейчас на колонии рановин, распрямилась навстречу течению, чтобы прополоскаться иабры, а скатые пластинки ламинарии чуть понависали на тонких ножках, словно зеленые шпательца брехонного молоска.

Несмотря на исключительную прозрачность воды и яркое лучи солнца, которые, подобно пугавым трассам, прошивали синеватую толщу, пейзаж выглядел на редкость мрачным. Он как нельзя более соответствовал понятию «кладбище». Кладбище ямрей! Балазатовые нубы и параллельные пирамиды напоминали полуразрушенные гробницы. В этом хаосе имен и нолыющихся трав нолото было разглядеть обрывок прелого пеняного каната, и все же, вглядываясь в направлении протаннутой руки Бориса, Слава увидел его. Он увидел не только канат, но и сам ямрей, большой замшелый ямрей. Чтобы высвободить его, нужно было оттащить в сторону тренд—нижнюю часть ямрейного веретена. Послышался скрип уключины—это

на веслах подходил Семен. Он перелулся через борт и страивал канат в воду.

— Борис будет подводить петлю,— начал объяснять он,— а Слава мурнет и накиннет ее на петлю.

Плотная вода спомывала дымченил. Уходя в глубину, Слава муствовал, как она ледяным корсетом сжимает грудную клетку. Немот подтянуло и самому позвоночнику, и резинная оправа вакин болжно врзалась в лоб. Плыть дальше не имело смысла. Са-

мое верное сейчас было не испытывать судьбу, а попросту всплыть, отдышаться и потом сделать новую петлю.

Так Слава и поступил. Но, всплывая, он перестал следить за ямрей и теперь потерял его из виду. Все нами здесь походило друг на друга, словно природа в дни термических катаклизмов отпала из в общей иллюзии. Он как-то совсем забыл про течения, которое незаметно сплосило его на запад.

Поиски пришлось начинать снова. Правда, на этот раз дело оказалось не таким трудным—через какие-нибудь три минуты Слава вновь стал погружаться на дно. На глубине трех метров Слава продул ушн. В барабанных перепонках сухо цвечнуло, будто кто-то наступил на грешный орех. Он почувствовал облегчение и тем не менее подумал: «Семен проснулся, тут явно больше десяти метров». Слава еще никогда не нырял так глубоко.

Юрий АБДАШЕВ

МАЛЕНЬКАЯ
ПОВЕСТЬ

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

ИСКАТЕЛИ ЗАТОПВЕННЫХ СИКОРЕЙ

(Окончание. Начало см. в № 13.)

Пелта, подерниваемая Борисом, висела теперь у самого якоря. Оттуда метнулась и ушла под кивки пастора заявуха. До цели оставалось два метра, интр... Неужели он не достигнет? Только бы удержать воздух! Только бы не выпустить его раньше времени!

Накинув пелто, Славка попробовал отгнать лопата с себя. Она поначалась, но до конца не поддалась. Тогда он уперся ногами в дно и, ухватив огромный якорь за рога, рванул изо всей силы. А силы были на пределе. Изпод камней подползло обидно мутн, и в тот же миг он почувствовал, что якорь свободен.

Взвешенные частицы, невесомая суспензия морского ила, поднятая им со дна, мельтешила перед глазами, как искорки при ярком свете увеличенного фонаря. И все же Славка успел заметить неподалеку еще один маленький якорь. Видяно, тот зацепился за проволочку, оставленную рыбаками на шесте бывшего ставника.

Второй якорь оказалось поднять нелегко. Он был удивительно инертный и весил, надо думать, как минимум килограммов пятнадцать. Да и застрял-то он на более мелком месте. Славка только перетащил его через проволочку, за которую зацепилась цепь, и, нагнув пелто, тонкая кановая цепь вырвалась за якорь, обрывая водоходные устьящие просты сиквозе ее звенья. «Видяно, это и есть тот самый анкерный якорь», —

подумал Славка. Такие якоря он видел на хороших моторных лодках и гансерах.

Всплывая, Славка смотрел вверх. Голубой свод казался усильным тутими клубками шпательных разрывов. Это над его головой пропывали маленькие неслепные медузы аурелии.

Второму якорю Семен обрадовался, как рыбкам:

— Братцы, да ведь это же мой собственный якорь! В позашлош году сеть здесь. С одним ставком. Зыб шла, вот его и застряло, бедолагу. Ну точно же, мой!

Славка и Борис пробыли в воде уже больше часа, но выкорить не собирались.

— Надо хоть... три поднять, что ли, — пробормотал Славка, едва выговаривая слова... а то и на берег... Стядю возвращаться.

Они оба испытывали признания перерождения. Проточная в море еще минут пятнадцать, Борис вдруг махнул сразу на два якоря. Один был четырехлопастный, видимо, с небольшого лодки, а другой — громадный, то ли со шхуны намок, то ли еще от мурга.

Валенный подняли без особого труда, а с последним надо было повозиться. Он оказался таким тяжелым, что Славке пришлось лечь на помощь в лодку. Теперь для пловцов там не оставалось места, и до берега им нужно было добираться вплавать.

У Славки от ныряния разболелся уши. Его был озноб. Он упал на горя-

чий песок и лежал без движения, тяжело дыша. Красная дубленка юна мненно вздрагивала, будто через нее пропускаяли galvanический ток. Борис с угрюмым видом вынул из бутылки пробку и налил вина в алюминиевую кружку.

— На, согреться, — сказал он, толкая Славку в плечо.

— Тебе бы томе надо, — сказал Славка, щелкая зубами, как настань-отави.

Борис только усмехнулся:

— Чтобы меня отогреть, нужно целое море, омеан вина...

Леночка принесла Славке бутерброд с колбасой и разрезанный на две помидор, посыпанный солью.

— Ваш бошван пойкал зеленую ящеричку, — сказала она. — Сфотографируй нас крупным планом. Я пошаву се себе на волосы.

Славка не любил фотографировать женщин, особенно разговаривать (зачем лишние разговоры?), но тут он вкочинал ингове. Зеленая ящеричка на бронзовых волосах при цветной пленке должна была «прозвучать». Он забав и про озноб, и про боль, и про усталость. Он начал ментить объективом, щелкать иривной экспониметром, искать подходящий ракурсы.

Семен тем временем вытиснулся из лодки маленьким якорь. Борис позорительно косился на него.

— Я попросила понатать меня пос-

ле обеда, — объяснила Леночка извиняющимся тоном, — а лодка перегружена... Нам так хорошо должно быть! Вода такая синяя-синяя!

— И горько-соленая, — подсказал Борис.

— Подените с нами, — предлонила ему Леночка.

— Я боюсь.

— Морят.

— Нет, женщины.

Леночка засмеялась.

— Семен говорит, что сегодня пополуночи и ночью все море до горизонта будет золотым, как на Гавайских островах.

— Семен знает, что говорит. Он на этом деле собрав съезд.

— На чем, на этом?

— Да на закатах, будь они прокляты!

ВАЛЕРКА-ОБОРМОТ

На песке в тени шалаша расстелили одеяло, выложили закуски. Семен стал развязывать почтовую бутылку. Пить со всеми Борис отказался.

— У меня на этот счет строгий принцип, — пояснил он, хотя о намок принципе шла речь, — никто из присутствующих не понал.

Пил преимущественно Семен. После второй кружки он впал в лирику, начал вспоминать историю подбитых якорей.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

ПРОЙДЕН ПЕРВЫЙ ЭТАП

2 880 читателей установили в первом туре нашей шахматной олимпиады (см. «Смены» № 2, 1984 год). Правильные решения предложенных нами композиционных прикладов 183 человека. Июри пришло решение из них по 20 баллов из 20 возможных.

Наиболее поэтичные и обстоятельные анализы дали: Лео Ивановов, лесничий (пос. Муромово, Александровского района, Свердловской области), Анатолий Пендешин, помощник заместителя начальника (г. Красной Тун), Геннадий Данилин, старший инструктор ортопедии, крайпотребсоюза (г. Красноярск), Александр Новдарица, преподаватель (село Алесаново, Пильнинского района, Горьковской области), Александр Макушин, инженер автобазы (село Тарбуша, Кургановского района, Челябинской области), Евгений Бусыгин, старший (г. Тагань, Свердловской области), Виктор Девякин, конструктор (г. Челябинск), Павел Колодников, технолог (г. Новокузнецк), Александр Радва, инструктор райфинотдела (г. Иня, Черноголовского района), Михаил Семенович, электросварщик шахты № 3 «Холодная балка» (г. Новокузнецк), Ганна Кузнецова, инженер-электрик (г. Свердловск), Юрий Муравьев, воспитатель сумоногого, детского училища (г. Калинин), Григорий Гаганов, инженер (село Карино, Сумского района), Анатолий Иванов, механик зернохранилища имени Чайковского (Пустынкайская область), Людмила Шумкина, членская Кухаренковского сельхозкооперативного техникума (Балашовского АССР), Тамара Насынова, помощник проректора (г. Магнитогорск), Михаил Малинов, инженер-электронщик диспетчер порта Вино (г. Солтапая), Николай Беленев, горный мастер шахты № 19 (г. Дендик), Мария Мамлова, ученица школы-интерната (бухта Провиденция, Магданская область), Иван Самосенко, начальник станции Красный (Полтавской области), Олег Иванов, геолог на строительстве Челябинской ГЭС (Полтавская область), Аустриц Дементьев, бетонщик железобетонного полтона (г. Цесис, Латвийской ССР), Валерия Назачев, механик (г. Краков, Тернопольской области), Анжелика Малинина, штукатур (село Чулар, Павлодарского района, Казахской АССР), Виктория Поклонская, машинист автобуса (г. Зима, Иркутской области), Юрий Шутов, штурман реперного флота (пос. Звенигово, Марийской АССР).

Все победители первого тура олимпиады награждены специальными дипломами «Смены».

Приводим решения задач и этюдов с основными вариантами.

1-я задача - 1. Фg8 - a2! 2. ...Leb 2. Фaх3. 1. ...Le5 2. Сg3х3. 1. ...Фg7 2. Фgх3. 1. ...Le1 2. Сg3х3. 1. ...Lg2 2. Кg2. 1. ...Ld2 2. Сg3х3. 1. ...Lb2 2. Фgх3.

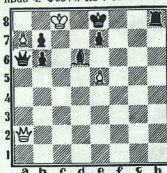
2-я задача - Фh4 - e! 1. ...Фe2 2. Фg7х1. 1. ...Ld4 2. Лb3х1. 1. ...Фe1 2. Кg3х1. 1. ...Lb2 2. Сg5х1. 1. ...Lc4 2. Сg5х1.

3-я задача - 1. Сf3 - e2! 1. ...Kp4d 2. Фd7+ Kp. e4. 2. Фg3х3. 1. ...Kp. e4 2. Фd7+ Kp. e4. 2. Сg4х3. 1. ...Kp. e4 2. Фd7+ Kp. e4. 2. Сg4х3. 1. ...Kp. e4 2. Фd7+ Kp. e4. 2. Сg4х3. 1. ...Kp. e4 2. Фd7+ Kp. e4. 2. Сg4х3.

4-я задача - 1. Сc3 - b4! 1. ...Фb7 2. Kp4d1 K. Kf3+.

Kp2! K: d2 4. С: d3x1. 1. ...Lb5 2. Фb7! L: b4 3. Ф: b4 Фb7+ 4. Кg3х3. 1. ...Lb5 2. Фb7! L: b4 3. Ф: b4 4. Кg3х3.

5-я задача - мат идет в пять ходов - 1. Лh4 - h3! 1. ...Lb5 2. Лb2 Kf7 3. Сg6+ Kf4 4. Фb6-h1 K: c6 5. Сg1.

1-й этюд - здесь белое доминирует не выигрыша, а выигрыша. 1. a6Ф Ф: a6+ 2. Ф: a6 Kp7+ (подвижной камнем является рокировка черных, которая ведь была, конечно, и их немедленно выигрывает) но она невозможна: несложный анализ показывает, что белый король уже ходит, а это обстоятельство исключает возможность рокировки. 3. Kp7! L: a4 4. e4+ Kp8. Пат.

2-й этюд - 1. Лg7+ Kp3+ 2. Kf6 e4+ 3. Kp: d5! Kf3+ 4. Kp5! L: g7 5. Лg4+ 6. Kf5 Сb6 7. Kf7 5. Лg4+ 7. Кf6 8. Kd7! Сa7 7. Kf6! Сb6 7. Kd7 с ничьей.

Сообщаем также ответ на шахматную задачу армейского композитора Л. Уланова, опубликованную в № 4 журнала: 1. Сb6 - c! 1. ...Kp7 2. Фf2 Сb3 3. Фb2 Kp4 4. Ф: b2 Kf1. 1. Kp4 2. Фe1 Kp7 3. Фe3 Kp6 4. Ф: e3х3.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Предлагаем вниманию читателей остроумный этюд, присланный в редакцию молодым шахматным композитором, рабочим Московского автозавода имени Лихачева комсомольцем Николаем Ираченко.

Ваме начинать и выигрывать.

КОРОТКОЕ ИНТЕРЕСНО

ЖИВОЙ ИНДИКАТОР МЕТАНА

Каждый знает, что на болотах сваливаются большие массы метана, болотного газа. Но не все знают, что болотный газ - любимое лакомство комаров. Перед грозой комариные рои как бы стекаются по самой земле. И это не случайно - выходя из атмосферного давления, предшествующее дождю, сопровождается интенсивным выделением газа на почву.

У выхода из сваливания на одной из пухляч Норильска заметили тучи комаров. Они не только роились над сваливной, но и пытались проникнуть вглубь. Оказалось, что на шахте велась легкая

запасные работы и из сваливной выделялась туча комаров и привлекала комаров. Комариная стая - своеобразный индикатор метана. С ее помощью можно регистрировать места, где выделяется газ. С другой стороны, достаточно создать искусственный источник метана, чтобы привлечь, затем уничтожить миллионы кровососущих насекомых.

Неповторимый трюк

В 1880 году в английском цирке с большим успехом выступала мисс Эйв, прозванная зрителями «человеком-мухой». Артистка проходила по доске, протянутой над кустом лириана, змея розовой и всегда благополучно. Про ее трюк было известно лишь, что она использовала обувь со специальными присосками. Попытки повторить номер успеха не имели.

ИЗВАННИЕ

В нынешнем году минуло 150 лет со дня смерти Барнардена де Сен-Пьера писателя, сыгравшего видную роль в литературном движении Франции. Кругом писателя «Поль и Вириания», возмущающий и современного читателя, пользовался в свое время огромной популярностью не только на родине автора. Третьяковской историей любви юных героев, выросших на далеком тропическом острове, захватывались многие.

В 1807 году в одном из живописных уголков ботанического сада парижане открыли памятник Барнарденту де Сен-Пьеру и его героине. Писатель в глубоком раздумии сидит на каменной скамейке, героиня установлена на высоком пьедестале. Внизу - бронзовые изваяния Поля и Вириания.

Имя этого гдеей пришло, описанных воображением таинственного писателя, пролежав на реальном острове Маврикия - одном из Маскарпенских островов расположенных в тысяче километров к востоку от Мадagascar. Барнардент де Сен-Пьер два года жил на этом острове и хорошо изучил нравы и быт его обитателей.

ШУТКА ПИСАТЕЛЯ

Молодой писатель принес Кокин-Добко рукопись детективной повести. Автор «Записок о Шерлоке Холмсе» прочитал ее и отослал с припиской: «Блестящая книжка, вы так проникли в психологию вора, что сами стали преступником, шлея из моей старой повести сюжет третьей главы».

ПРИРУЧЕННЫЙ ДИКАРЬ

Прирученные звери — не редкость. Но не часто удается «одомашнить» такого дикаря, как кабан. А вот семимесячный кабачик Митя, выращенный польским лесником Павлом Хуменюк, вырос добрым и поклялся: выростает хозяина в лес, ост из рук дозайки и с удовольствием играет с детьми.

Самые первые

Первая советская почтовая марка была пушена в обиход в десятом августа 1921 года. Мускулистый человек с мечом в руке, поворачивая ногой гаду нагитализма, — символ освободившего пролетариата обратился свое лицо и воскалодному солнцу. Марка была выпущена по рисунку Кутурнинова и Искандра. Это историческая «визитная карточка» Страны Советов.

Идеи создания новых валют, маркс-агитаторов, казнили у работников связи

сразу же после революции. Но во время гражданской войны в России не было денег. И все же один небольшой выпуск был сделан в Петрограде задолго до того, как появилась официальная первая советская марка. Этот выпуск был осуществлен через три месяца после Октябрьской революции. Он представляет собой марку с эмблемой — меч, расконтрацией цепи самодержавия, и с надписью «Совет рабочим и солдатским депутатам. Январь 1918 г.».

С Л О Н В К И Н О

«НЕ ПРОГЛОТИШЬ МЕНЯ»

В тропических морях среди коралловых рифов водится раба-шар, достигающая десяти сантиметров в длину. Интересен ее способ защиты от нападения. Когда грозит опасность, она раздувает пузырь, набухший воздухом, и моментально превращается в огромный шар — его не в состоянии проглотить даже крупные хищные рыбы. Местные жители называют рабу-шар именем, которое и переводит означает: «Не проглотить меня».

В одном из парков Уганды бивняры деваются стригутся под открытым небом. Бивняры на вечернем сеансе показывали ленту об африканской фауне. Когда зажегся свет, зрители увидели за последним рядом слона, который, видимо, с большим интересом смотрел фильм о своих собратьях. Позже этот слон еще несколько раз приходил в кино и после каждого сеанса возвращался домой — в чашу.

Н А М А В Р К И Н И

его необычную, экзотическую природу.

Но помнит ли о Поле и Виржинии на Марининки? Музей столицы острова города Порт-Луи. Случаи, которые время был получен от Г.И. А. Гуссиной, директора музея, написала, что в день 200-летия крушения «Сен-Мерана» (поблиз этого корабля у самых берегов острова описания в романе Сен-Пьера, — исторический факт) в память об этой трагедии был сооружен монумент в форме тетраэдра высотой свыше пяти метров, смонтированный из базальтовых блоков. На вершине — пицца, прикрашенная и одной из гробов, высечено: «В открытом море у этого берега в ночь с 17 на 18 августа 1744 года погиб «Сен-Меран», крушение которого обсервировал Бернарнетт до Сен-Пьер в романе «Полю и Виржинии». Этот памятник воздвигнут 20 августа 1944 года Историческим обществом острова Мариники».

Г-н Гуссин любезно сообщил, что бронзовый памятник, изображающий Поля и Виржинию, поставлен в саду ратуши г. Юргопта. Секретарь муниципалитета

этого города столь же добродушно ответил и моему вопросу и прислал фотоскопию издания «Воздух» вышедшего в 1902 году по проекту Проспера Д'Эннини. Осультой-коробка плакатов тот момент, когда Поля и Виржиния возвращались домой, должны были мёрд перейти реку. Испуганная шумом волн, девушка не решилась вступить в воду, и тогда Поля, беря в руки ее на руки, перенесит по скользким камням.

Примечательно, что на обоих снимках с острова Мариники описания марин, на которых воспроизведен один из фильмов о Поле и Виржинии: на берге затихающего океана — потопившая Виржиния, старая выволакивает из ее одежды корбочку с образком, подаренную ей Полем, а рядом — спут — божини, отмываемая рекой, горько рыдает... Эта марка — трогательное свидетельство того, что поэтическая легенда, созданная Бернарнеттом до Сен-Пьера, и поныне живет и цветет в истинной глубине острова, затерянного среди просторов Индийского океана.

А. РУВИНШТЕЙН

ТЕЛЕВАХЕННЫЙ

На корме и носовой части одного из паромов, курсирующих в проливе Па-Ванш, установили две телевизионные камеры, которые позволяют пассажиру одновременно наблюдать на экранах приемное для крепления нормальных и носовых швартовых. Телевидение уменьшило время швартования парома, а кроме того, оно также, что телевизионные камеры в тумане и в сумерках «видят» гораздо лучше людей.

Телевидение может помочь и при поручных работах. Сейчас иранский не видит груза опускаемого в трюм, но видит, что делается на причале. Это усложняет работу. Телевизионная камера, смонтированная на грузовой стреле, и экран, расположенный в посту управления, позволит следить за поведением стралы и в то же время наблюдать за тем, как груз опускается в трюм судна. Специальный контейнер, в котором заключена камера, делает ее неуязвимой для летящих ударов... Такая телевизионная аппаратура была испытана в порту Ливерпуля. Результаты испытаний показали, что скорость поручных операций значительно увеличивается.

ТАКСИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Еще в Древнем Риме существовали такси. К осам повозок прикреплялся прицеп, сечечка, который представлял собою бронзовый таз. После пробега каждой сотни стадий в него падал камешек. Плату взимали по числу камешков.

КОРОТКОЕ ИМПРЕССИОННОЕ КОРОТКОЕ ИМПРЕССИОННОЕ КОРОТКОЕ ИМПРЕССИОННОЕ

Неудачи проекта «ОЗМА»

Первые попытки установить радиосвязь с разумными обитателями других планетных систем были предприняты осенью 1960 года. Ученые выбрали две близкие и похожие на Солнце звезды — Тау Кита и Эпсилон Эридына. Сходство с Солнцем позволило думать, что обе звезды обладают достаточно древними планетными системами, быть может, имеющими в своем составе планеты с высокоразвитыми цивилизациями. Относительная близость к Земле (расстояние около 11 световых лет) вселяла надежду, что современные земные радиотелевизионы смогут уловить радиосигналы, возможно, посланные нашими братьями по разуму в сторону Солнца.

Несколько месяцев 27-метровый радиотелевизионный радионаблюдательный обсерватории США был нацелен на «подзорительные» звезды. Наблюдения велись очень тщательно. Но космос безмолвствовал — никакие радиосигналы искусственного происхождения на волне 21 сантиметр обнаружить не удалось. Неудача! Да, не удача, следует думать, а закономерная.

Прежде всего у нас нет полной уверенности в том, что эти звезды, похожие на Солнце, непременно обладают планетными системами. С другой стороны, на все планетные системы имеют в своем составе обитатели планеты, да еще с высокоразвитыми цивилизациями. Далее, совсем не обязательно эти цивилизации развиваются одновременно с нашей: быть может, свой расцвет они пережили в далеком прошлом, или, наоборот, их еще предстоит достичь технического уровня, достаточного для межзвездной радиосвязи. И, наконец, не будем слишком самоуверены: наша крошечная желтая звезда — Солнце, столь важная для нас, вовсе не является предметом всеобщего внимания обитателей других планетных систем. Даже если в планетных системах Тау Кита и Эпсилон Эридына имеются ныне высокоразвитые цивилизации, то вовсе не следует, что именно сейчас они заинтересовались солнечной системой и решили установить с нами прямую радиосвязь, причем непременно на волне 21 сантиметр.

Такими главными (но далеко не все!) недостатками проекта «ОЗМА», как назвали свои исследования американские астрономы. Правда, первые неудачи не обескуражили энтузиастов, и в ближайшем время предполагается возобновить наблюдения на более крупном, 45-метровом радиотелевизионе.

Тем интереснее принципиально иной подход к проблеме, предложенный в Советском Союзе. Речь идет о замечательной работе молодого советского астронома, кандидата физико-математических наук Николая Кардашева, опубликованной в апрельском номере «Астрономического журнала» за 1964 год.

Радиопередачи для всего космоса

Представьте себе, что ближайшая высокоразвитая цивилизация находится от нас на расстоянии 100 световых лет. Внутри космической сферы такого радиуса заключены десятки тысяч звезд.

Найди среди них ту, которая нас интересует, задайся в практическом отношении исключительно сложная. Если действовать по проекту «ОЗМА», придется «прослушивать» подряд десятки тысяч звезд в тщательной надежде отыскать цивилизацию, ведущую именно сейчас и именно в направлении Солнца поисковую радиопередачу.

Непреодолимые трудности такой направленной радиосвязи должны быть очевидными не только нам, но и всяким высокоразвитым существам. Поэтому, как считает Н. Кардашев, цивилизация, решившая поведать о своем существовании другим разумным обитателям космоса, должна использовать для этой цели изотропные, то есть «всенаправленные», радиопередачи.

Антенны современных земных радиотелевизионов снабжены параболическими зеркалами, благодаря чему прием (как и в радиолокаторах) возможен только в определенном направлении. Изотропный радиопередатчик посылает радиоволны во всех направлениях. При достаточно большой мощности земного передатчика его радионалучение может охватить всю наблюдаемую часть космоса и (при условии, что приемники исполнены достаточно чувствительны) быть принято всеми цивилизациями не только нашей галактики, но и других звездных систем. И наоборот, если такими передатчиками обладают хотя бы некоторые из цивилизаций в радиусе изученной части космоса, то их передача в принципе может быть услышана на Земле.

Такова принципиальная сторона идеи Н. Кардашева. Ее преимущество по сравнению с проектом «ОЗМА» очевидно: радиополосные адресуются не конкретной звезде, а сразу всем звездам в изучаемой части вселенной. В каждой же галактике, подобной на нашу, десятки миллиардов звезд, а в изучаемой части космоса — десятки миллиардов галактик. Значит, изотропные радиосигналы охватят сразу примерно 10^{12} звезд число, не поддающееся нашему воображению! Даже самые крайние скептики не решаются утверждать, что среди этого необозримо большого количества звезд не найдется ни одной, огревающей своими лучами высокоразвитую цивилизацию. Таким образом, изотропные космические радиопередачи звездом обеспечены успех: при достаточной мощности передатчика последние сигналы практически наверняка будут кем-то уловлены.

Цивилизации трех типов

Реально ли в практическом отношении идея Кардашева? Возможно ли технически создать сверхизощренные изотропные радиопередатчики?

Быстрый прогресс радиотехники за последние времена не оставляет никаких сомнений в том, что уже в обозримом будущем удастся создать на Земле радиопередатчики для весьма дальней космической радиосвязи. Цивилизации, значительно превосходящие нас техническими уровнями, естественно, уже имеют передатчики любой мощности. Разместив огромное количество таких передатчиков по всей планетной системе так, чтобы они со всех сторон окружали центральную звезду (одна из возможных вариантов), можно обеспечить изотропность радиопередач.

В своей работе советский ученый приводит любопытные количественные расчеты, подтверждающие основную идею.

В настоящее время человечество ежегодно расходует энергию в количестве около $4 \cdot 10^{12}$ эрг, причем, по данным статистики, ежегодный прирост этой величины составляет 3—4%. Нетрудно подсчитать, что через 3 200 лет ежегодное потребление энергии человечеством возрастет до $4 \cdot 10^{13}$ эрг, что равно количеству энергии, которую Солнце излучает каждую секунду. А через 5 800 лет человечество ежегодно будет тратить столько энергии, сколько ее за то же время излучает 100 миллиардов звезд!

Из каких природных источников удастся черпать человечеству такое количество энергии — особый вопрос. Возможно, ими будут термоядерные реакции, или солнечная энергия, или какие-нибудь, пока неизвестные нам, природные энергетические ресурсы. Во всяком случае, не видно причин, которые могли бы задержать прогресс энергетики космических цивилизаций.

Интересно другое. С точки зрения энергопотребления Н. Кардашев предлагает классифицировать технокосмические развитые космические цивилизации на три основных типа. К цивилизации I типа он относит те, которые по техническому уровню сходны с земной (ежесекундное энергопотребление 10^9 эрг). Более развиты цивилизации II типа, для которых энергопотребление составляет $4 \cdot 10^{13}$ эрг в секунду. Можно думать, что такого рода цивилизации полностью овладели энергией своей звезды для практических нужд.

Наконец, мыслится цивилизации высшего, III типа, овладевшие энергетическими ресурсами в масштабе своей галактики. Для них ежесекундное потребление энергии составляет $4 \cdot 10^{21}$ эрг.

К сожалению, цивилизация I типа, в том числе и земная, способна лишь на пассивное «прослушивание» космоса. Но у других, более развитых цивилизаций вполне можно предположить, что главное стремление поведать о себе и своих знаниях младшим, менее развитым братьям по разуму. Говоря иносказательно, эти энергетически богатые цивилизации способны не только слушать, своей энергией, употребленной на изотропные космические радиопередачи.

Расчеты, проведенные Н. Кардашевым, поразительны. Оказывается, уже при современном уровне земной радиотехники изотропная радиопередача цивилизации II типа могла бы быть принята с расстояний по крайней мере в 10 миллионов световых лет, а передача цивилизации III типа — в пределах наблюдаемой части вселенной! Иначе говоря, если среди ближайших галактик есть хотя бы одна цивилизация II типа, а в наблюдаемой части космоса хотя бы одна цивилизация III типа, то их изотропная радиопередача может быть принята на Земле!

Содержательность межзвездных разговоров

Итак, весьма вероятно, что на нашу Землю давно поступают позывные из космоса. Чтобы их не только уловить, но и расшифровать, надо предельно повысить качество аппаратуры. Мысль иметь межзвездные искусственные радиосигналы.

Дальность межзвездных радиопередач зависит от ряда причин. Здесь существуют не только мощность передатчика, но и такие факторы, как радиопомехи от радиоизлучения межзвездных облаков водорода, маскирующие передачу шуму в самой аппаратуре и другие досадные, но, к сожалению, пока неизбежные препятствия. Подробно проанализировав этот вопрос, Н. Кардашев пришел к выводу, что наиболее выгодно вести межзвездную радиопередачу в диапазоне дециметровых и сантиметровых волн. Именно на этих волнах помехи становятся наименьшими, а следовательно, эффективность радиопередачи — наибольшей. Передача и прием могут, конечно, вестись и в гораздо более широком диапазоне волн, но тогда приему не должна мешать атмосфера с ее узкими радиопрозрачными. В этом случае приемник придется поместить за пределами почти непрозрачной для радиоволн планетной атмосферы.

Много ли сведений, или, как говорят, много ли информации можно передать через межзвездные пространства?

Теория информации — основной раздел кибернетики — позволяет подсчитать количество передаваемой информации при различных формах связи, в частности и при радиопередаче. Проведя такие расчеты, Н. Кардашев получил удивительный результат.

Допустим, что для радиопередачи выбран диапазон шириной 10^9 герц (герц — единица частоты колебаний, равная одному колебанию в секунду). Основные знания, полученные человечеством к 1964 году, можно свободно изложить примерно в три тысячи крупных книг. Если заморозить (в двоякой системе) все содержание этих книг, то по выбранному радиодиапазону все основные знания, накопленные человечеством, можно передать всего за сто секунд!

Конечно, цивилизация II и III типов обладает несравненно большими знаниями, чем человечество, но для передачи даже столь колоссальной информации придется затратить сравнительно мало времени. Вполне возможно, представители далеких цивилизаций ведут передачи непрерывно, время от времени повторяя епарамуны. Такие непрерывные и периодические передачи облегчат прием их цивилизациями I типа и, кроме того, сделают целесообразным подключение время от времени новых наблюдателей.

Конечно, радиосвязь между цивилизациями I типа и технически более совершенными будет односторонней. Но информация, или, говоря конкретнее, колоссальные знания, пассивно полученные цивилизациями I типа, помогут им быстро развить свою технику и вступить со временем в активную двустороннюю радиосвязь.

Однако, когда мы говорим о двусторонней радиосвязи на космических расстояниях, надо иметь в виду, что это совсем не то же самое, что радиосвязь на Земле. В земной обстановке во время переговоров по радио мы не обращаем никакого внимания на скорость распространения радиоволн. Она так велика (300 000 километров в секунду), что за одну секунду радиоволна способна облететь земной шар по экватору почти девять раз. Задав вопрос, мы тут же получаем ответ, как будто разговариваем с соседом.

Другое дело — разговоры между звездными мирами. Если нам предстоит найти ближайшую высокоразвитую цивилизацию на расстоянии 100 световых лет, то между посылкой вопроса и

получением ответа пройдет не меньше двухсот лет. Двусторонние же переговоры между галактиками неизбежно растянутся на миллионы лет. К сожалению, эти трудности непродолжительны: в природе нет и не может быть скоростей, превосходящих скорость света. Тем большее значение приобретает односторонний прием передач из космоса, если, конечно, цивилизации высших типов ведут для нас и нам подобных такие передачи.

Что же касается языка, позволяющего разговаривать с разумными обитателями других планет — лингвистики космоса, то он уже сейчас разработан. Сокращенно он называется «линкос». По существу, «линкос» — это универсальный космический язык, основанный на математической логике, язык, понятный всем разумным существам. Поможет в дешифровке позывных из космоса и современная кибернетика, уже показавшая свои возможности в разгадке письменности древних земных цивилизаций.

Загадочные радиосигналы

Есть несколько признаков, по которым искусственные космические радиостанции можно отличить от естественных.

Искусственные источники в противоположность естественным должны иметь весьма малые угловые размеры (по крайней мере для цивилизации II типа). Их радиозлучение должно в определенном ритме меняться во времени и содержать в этих изменениях какой-то код, каку-то зашифрованную информацию. Иначе говоря, замеченные колебания интенсивности радиозлучения не должны быть случайными, вызванными естественными причинами. Возможно, правда, что колебания будут очень малы, и потому приемная аппаратура должна обладать высокой чувствительностью. Наконец, интенсивность излучения искусственного радиостанции будет, вероятно, наибольшей для тех частот, где помехи минимальны, то есть в области сантиметровых и дециметровых волн.

В своей работе Н. Кардашев указывает и на другие, более тонкие признаки искусственности, однако на первых порах важно обнаружить хотя бы главные.

В прошлом году американские астрономы открыли очень малые по угловым размерам практически «точечные» радиостанции, не отождествляемые на самых подробных звездных фотоплаках ни с одним из видимых объектов. Примечательно, что радиосигнетр этих невидимых источников удивительно похож на искусственный и резко отличается от радиоспектра такого, например, типичного естественного источника космических радиоволн, как радиогалактика Дева-А. Что это, случайность? Вряд ли. Слишком похожи радиоспектры источников СГА-21 и СГА-102 (таков их астрономический шифр) на искусственные, и с другой стороны, трудно указать естественные причины, которые могли бы породить такой спектр.

Вполне возможно, что Николаем Кардашевым, который исследовал источники СГА-21 и СГА-102, впервые расшифрованы искусственные радиосигналы, посланные далекими космическими цивили-

зациями. Расшифрованы, конечно, пока лишь в целом, то есть как радиозлучения искусственного характера. Чтобы разгадать информацию, быть может, скрытую в этих радиоволнах, надо обнаружить другие признаки искусственности и в первую очередь колебания во времени. Только в этом случае можно будет присутствовать к следующему, главному этапу дешифровки позывных из космоса. Трудности на этом пути огромны, но все же, по-видимому, преодолимы.

Земля включается в Великое Кольцо

В работе Н. Кардашева, о которой мы рассказывали, четко видны те три этапа, которые К. Э. Циолковский находил в каждом подлинно научном исследовании.

Сначала мысль, фантазия, сказание: сказочные, фантастические идеи о цивилизациях разных типов и радиосвязь между ними. Потом строгий научный расчет, показывающий реальность идеи. И, наконец, исполнение увенчанное мыслью найденных два загадочных радиостанции, возможно, имеющие искусственное происхождение!

Прекрасное начало великого дела! Но мысль снова обгоняет факты, и желание вступить в Великое Кольцо космических цивилизаций, о котором так красочно рассказывал И. А. Ефремов в «Туманности Андромеды», толкает на новые поиски.

Имеет смысл наделить земные радиотелескопы на те участки неба, где сосредоточены анклавы, например, область созвездия Стрельца, в направлении которой находится ядро нашей галактики — великий онаг далеким цивилизации. Еще перспективнее взять в поле зрения радиотелескопа Туманности Андромеды: звезды на миллиардах планет этой соседней звездной системы не найдется ни одной цивилизации III или хотя бы II типа!

Надо, наконец, начать широкие поиски искусственных радиосигналов по методу, разработанному Н. Кардашевым. До сих пор казалось, что человечество навсегда изолировано от великого множества других космических цивилизаций. Исследованиями Н. Кардашева доказано, что взаимосвязь космических цивилизаций (по крайней мере односторонняя) возможна во всем объеме доступной части космоса!

Практическое значение этой взаимосвязи цивилизации мы, вероятно, еще просто недооцениваем. Если Н. Кардашев прав, если Земля непрерывно обучается изотропными радиопередачами высоразвитых космических цивилизаций, то не содержит ли она такую сокровищницу знаний, которая сократит века напряженного труда человеческой мысли, невиданно ускорит прогресс науки и техники? Быть может, нам давно предлагают бескорыстную и бесконечно щедрую помощь от которой мы отказываемся лишь по неведению и незнанию?

Человечество вступило в космическую эру. Дальнейшее распространение человечества в космосе рано или поздно приведет к контакту с инопланетянами. Земля, быть может, уже сегодня включается в Великое Кольцо космических цивилизаций.

ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЬШАЯ И

ИЗМЕН

Валтер Скотт, Байрон, Россини, Майков, Анисим Цюлюпанский... Впрочем, рыбной ловле все возрастают пионеры, у нее есть полнокровные срады пионеры в пензенской, среднелинских и Физиков.

Человека с удочной можно встретить в любой уголке нашей Родины. В его распоряжении два океана и четырнадцать морей. А реки? И Амур-Батосиши, и Богда-матуша, и сиронная Нярзана, и исповидная Обь, и тихий Дон, и неизмерзлаяция Перемышль, и многие веселые Си-ванские лапы Лена. Если не перечесть! Впрочем, еще Че-хов, сам завадней удочника, писал: «Рыбу ловят в океанах, морях, озерах, реках, прудах, а под Москвою тан-же в лужайках и канавках».

Только для удочной воору-жения рыболов! Если вы за-глянете в его рюкзаки, то, кроме крючков и лесок раз-личной тонкости, увидите множество вещей, о назва-нии которых без помощи владельца говорить трудно. Это мерилки, экстрак-торы, кружки, девонки, иску-ственные насекомые и обя-зательно коробочка с мор-шавиной.

Моршавина — это капелана свинца, с одной стороны по-крытая очень тонким слоем бронзы, латуни или другого металла. В свинце впадет не-большой крючок, на кото-рый насаживают обычную наживку. Есть множество видов моршавок — круглых, чечевичкообразных, ромбо-видных. В последние годы их стали делать совсем крошеч-ными — величиной со спичечную головку — и успеш-но ловят на них белых судаков.

Видно, такую «головку» мор-шавки применяют и для за-нахоты наosome. Мор-шавку непрерывно опускают и поднимают на 10—15 сантиметров, иногда — на полметра или метр, и одновременно сообщают ей мелкие колебательные дви-жения. Система этих движений называется «игрой». От умения играть за-висит и успех. Конечно, по-плавать и грузила в этом слу-чае не требуются.

Моршавка за последние годы завоевала огромную армию поклонников, их стано-вится все больше и больше. Самые отъявленные ры-боловы-секционники, види, как их соблазняют, заменяют свои длинные удочки кро-шечными, а крючки — мор-шавиной. Особенно широко ее применяют москвичи. Их опытом пользуются теперь даже любители морской лов-ли.

Конечно, у каждого рыбо-лова есть свой любимый вид снасти, у одного это спин-нинг, у другого — поплавоч-ная или проволочная Урча-на, донки, иржуны.

Но это не означает, что на реку или озеро надо брать множество снастей. Конечно, же должен быть набор! Две-три поплавочных удочки, по столько же донки и про-волочные. Все это будет весить куда меньше, чем ба-гаж немотормых «вузлнжк» специа-листов, отравляющихся на рыбалку с осязальной удочкой.

Мастерское владение сна-стью еще не все: важнее хо-рошо разбираться в повад-ках рыбы. В течение года рыба несколько раз меняет свои стогники. Ранней весной она появляется на мелких местах. Когда же вырастает кувшинки, водоросли и асо-

«Иначась в лодке, на голу-бой и прозрачной, как ма-ло, волне, Ленин учился удить рыбу «с палачи» — лесой без удочки. Рыбаки объясняли ему, что подса-чать надо, когда палач по-чувствует дрожь лесы.

— Козим дини-дрини, Ка-лиш!

Он тотчас подскр рыбу, по-вел ее и закричал с востор-гом ребенка, а зарывот охот-ников.

— Ага! Дини-дрини!

Рыбаки огулшительно и то-не, как дети, радостно за-хохотали...

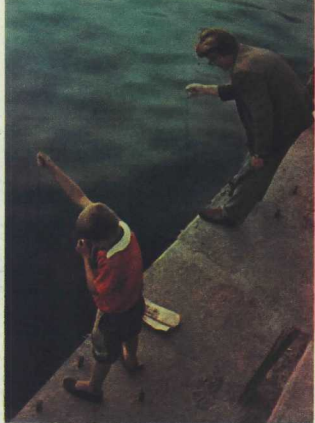
Это строки из воспомина-ния А. М. Горького, в кото-рых говорится о рыбалке на острове Иапры.

А вот воспоминания Н. Емельянова — старого боль-шевника, сестровицкого ору-женника, у которого В. И. Ленин жил в 1917 году в Разливке. Коля — тринадцатилетний сын Н. Емельяно-ва, — приметил, что вечерами, когда мошкара ронялась над озером и падала в воду, к берегу подплывала рыба. Ильян предлоила вырезать удочку, но я сказал, что бы-стрее и выгоднее ловить ры-бу браднем. Безалаость, что в молодости Ильян много раз ловил рыбу браднем. Как я потом понял, он рассчитывал, что в такое трудное время рыба будет подспорье для нашей семьи. Ведь с преддвитами было плавкато, вот он и хотел помочь нам чем мог, к тому же Ильян, по-моему, очень любил рыб-ную ловлю.

Наутро, после рыбной лова... я застаю старшего рыбака за таким приятным занятием: он стоял у бере-зи и любовался большой щу-кой, которая была подвеша-на на суку.

— Рыба-то манаш! — сия-зал Ильян. — А ведь чуть-чуть не ушла от нас. Сего-дня бы и придул товарищи, мы их отлично накормим, угостим ухой.

— Это было удивительно, как он ушел радостным, а за-глядными рыбаками были

на, удить следует омоло них. Чем ближе знаа, тем глуб-же уходит рыба. Она менлет «место жительства» также в зависимости от погоды и состояния реки.

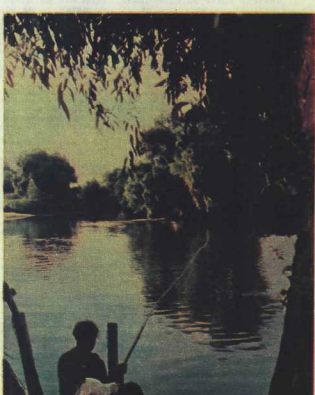
Чем же привлекает и себе рыбалов ловя? В ней уча-но сочетаются активный от-дых и заплата. Рыболов ста-новится умелым плывцом, он должен хорошо управ-лять лодкой, без устаии хо-дить, принимать не боятис-я лютого мороза и палящего зноя, пролианого дожда и сбивающего с ног ветра. Для него не составляет труда развести костер под пролив-ным дождем или переоче-пать на снегу. Умение раз-личает наблюдательность,

самообладание, ловкость, терпение, быстроту реакци, находчивость.

К. Паустовский писал: «Забывается ужешней! Всту-пайте в «великое племя ры-боловов», как шутили на-зывают любители рыбной лова Армады Тагда, и вы сразу же почувствуете, как окрепнет и зманится ваше тело. Вы погрузитесь в оке-аны душнстого речного воз-духа, в шум ветра, а туман-ные летние рассветы и ти-шину глубоких ночей — в ве-ликую и светлую поэзию русской природы».

Я. КИСЕЛЕВ

Фото В. ГИПЕНРЕЙТЕРА, Б. КУЗЬМИНА, Н. НЕМАНОВОА и Л. РАСКИНА

Мне было известно о существовании незаконной рукописи «Воро убийца». О ней рассказывала жена Джека Лондона — Чарльин — в своей книге о писателе. Последняя публикация литературного наследия Лондона была сделана в 1933 году, и после этого осталось немало его неизданных рукописей, в том числе переписка с писателями — Синклером Льюисом, Джозефом Конрадом, Джоржем Стерлингом.

Оказавшись несколько лет назад в США, в Хамптонской библиотеке, где хранятся архивы писателя, я наконец был ознакомлен с главным образом ознакомлением с перепиской Джека Лондона. Окруженный полчищами романо, неизданными рассказами, десятками коробок с корреспонденцией, я «погнул» в этой груде материала и не смог поспотреть рукопись «Воро убийца».

Но оспаривая Ласло в а запоздалом сожалении обнаруживаю этот проба в мезу жизни наследия писателя. Кроме истрезженное название, о рукописи ничего не было известно. Правда, я узнал, что Лондон использовал сюжет, купленный у Синклера Льюиса, молодого журналиста, позже ставшего знаменитым американским писателем. Но это только усиливает интерес к ней. Не было ясно, почему это произведение Джека Лондона не публиковалось, зато незаконная повесть «Черри» (Фреда из двух известных незавершенных его вещей) издана давным-давно, 40 лет назад. Естественно было предположить, что «Воро убийца» ничево не добавляет к хорошо известному моему знакомству с писателем. Великий же была радость, когда прошлым летом в рубрике объявлен американского журнала «Пабшер» уикли я увидела сообщение об издании в Нью-Йорке в конце 1963 года неизвестного романа Лондона «Воро убийца».

Выяснилось, что рукопись была незаконным романом и что смешиваясь Джеком Лондоном с романом Ласло, Лондон выдал его за свой. Но до американский писатель Р. Фиш дописал книгу, и вот она выходит. Я немедленно послал на нее заказ. Теперь книга поучена. Она, несомненно, представляет интерес.

В романе Лондон рассказывает о колонию, занимающиеся исполнением казни на восточном побережье, естественно, защита и обаяние города. Однако в отличие от заворающих гангстерских шаш «Воро» требует от заказчика исчерпывающего обоснования смертного приговора. Должно быть доказано, что осужденный заслуживает казни. В противном случае, если не доказано этого сурового приговора, что он «социально оправдан». Члены организации неукоснительно следуют принципам, положенным в основу деятельности «Воро», они действуют по убеждению. Глава и создатель «Воро» настолько предан эти принципам, что, будучи переубежден и полная бесперспективности методов террора и вредность своей работы, при-

нимает заказ на убийство собственной персоны, поскольку считает, что по существующему праву заслуживает смерти. Он нацеливает на себя всю машину «Воро убийца», поставив в то же время и другую цель: по возможности «обнаборить» и таким путем привести к краху террористической организации.

Лондон описывает разнообразные попытки «Воро» убить своего шефа. Здесь погоня, убийства по разработанному плану. Роман, по сути дела, типичный детектив. Одно это — новое явление в творчестве Лондона, что, несомненно, будет отмечено исследователями, хотя такое обращение писателя к новому жанру нельзя назвать полной неожиданностью. Оно было предсказано хорошо известным приключенским романом «Сердца трех».

Но все же дело не в этом интересе писателя к новому жанру, а в решении темы и в той шее, которую он последовательно проводит в произведениях. «Воро» не удается осуществить план убийства шефа. Пытаясь привести в исполнение приговор, один за другим похищают его члены, и организация прекращает свое существование, доказав ложность принципов, положенных в ее основу. Для того времени (роман был написан в 1915—1916 году) такое разрешение конфликта являлось редким явлением. Джеку Лондону против методов индивидуального террора в борьбе с общественным злом, против анархистского идеологии, что было чрезвычайно важно и свидетельствовало о политической зрелости писателя.

В разговорах персонажей и авторском тексте часто слышна в Горького, Толстого, Гурьмова, Достоевского, называются имена известных русских революционеров. Роман перекликается с событиями первой русской революции и подтверждает острый интерес писателя к России в последние годы ее жизни.

Литературовед еще предстоит изучить новый роман Лондона, но уже сейчас можно сказать, что одним из прототипов героя романа, Виктор Холла, был муж саватора Лондона Анны Струнскуй, известный американский публицист и социалист Индуис Уоллин, посетивший Россию в 1905—1906 году и написавший книгу о русской революции, характеристика которой является в публицистическом отрывке из романа.

В романе Лондона, как и в романе Синклера Льюиса, «Сердца трех», Холла, был муж саватора Лондона Анны Струнскуй, известный американский публицист и социалист Индуис Уоллин, посетивший Россию в 1905—1906 году и написавший книгу о русской революции, характеристика которой является в публицистическом отрывке из романа.

Но она не закончила фразы, так как в эту минуту заметила, что Холл забыл о ее присутствии, взял газету и начал читать. Она решила обратиться к нему, но он не замечал ее.

«Нам занадта важны хорошие новости, но я не замечал ее».

(Отрывок из романа)

она он говорил, она разглядывала его лицо, как только любящая женщина может разглядывать лицо мужчины. Лицо Винтера Холла ей было знакомо, но до восторженного чермечет от оптимизма армия сросшихся бровей до четкого очерченного уголка губ, от зрительного без внимания подбородка до мочки уха. Холл как мужчина, хотя и влюбленный, казал ей таинкой порочностью ее лица. Он любил ее, но делал бы ей вступ попросил опилить по напечатанной в газете, но не следовало в общих чертах: жила, была, не было, лет, обща, низкий лоб, прическа выше и лицу, главногда унабавляла, смел, грубо, лезный на щеках, ласковый, охватывательный рот и губы невыразимо прекрасны. От него исходило охватывательные мисты и дорожки, благородная серьезности и живого, блестящего ума.

А Груня видела перед собой крепкого тридцатилетнего мужчину, но которого было что-то мистическое, но в нем все пришло к ней, к ней, к ней, к ней. Он был голубоглаз, светловослый и бронзоволиц, талиию обчато бивающий американца, много времени проводил на солнце. Он часто улыбался, если смеялся, то смеялся от души. И все же неровно, когда он задумывался, навалывало на него мистическую жестокость обозначавшую на его лице. Груня, игнорируя любовь к нему и стараясь избежать его взгляда, видела перед собой едва уловимые проблески другой стороны его каравана.

Винтера Холла нельзя было отнести к числу родных представителей американского времени. Он был заботливо обеспеченное детство и принадлежал к состоятельной семье. Его отец и еще возвращею со смертью двух незадуманных тетушек, он давно вынул себя из привычного круга. В колледже он специализировался по экономике и социологии, и менее

серьезные сокурсники смотрели на него как на чудака. После колледжа он подделал Ринса как денгиста, стал и личным участием в маю-юрийском покое. Много времени и труда потратил он на общественные работы, но и это не принесло ему удовлетворения. Он всегда искал новую работу, новую привлекательную, докисался до настоящих приуги. Поэтому стал интересоваться политикой, а затем решил разобраться в закулисных политических махинациях штата от Нью-Йорка до Огайо и в столице своей страны Тоне.

После нескольких лет, казалось бы безнадежно потерянных лет он два года провел в Европе, где увидел, что такое, который был в те годы настоящим огагом радикализма, а потом Нью-Йорка до Огайо и в столице своей страны Тоне. Он не только видел, что такое, но и еще год колесил вместе с женщинами и бродилгами. Два года он работал в качестве редактора в одном благотворительном учреждении, многие часы посвящая потракой на общественные работы, но и еще год колесил вместе с женщинами и бродилгами. Два года он работал в качестве редактора в одном благотворительном учреждении, многие часы посвящая потракой на общественные работы, но и еще год колесил вместе с женщинами и бродилгами.

Он проглотил, разведя всюду примостовил и мизин, стараясь изучить все общественные газетчики. Ни одна бумага или менее важная записка не обшлась без его присутствия; он был числен присутствием в каждом районе. Он присутствовал на всех народных собраниях, на собраниях федеративных организаций трудящихся и проваго год в России во время революции и революции. Он начал в 1905 году. Немало его статей появились в различных газетах. Он принадлежал также несомненно к группе нахальных, глубоких, пробовавших нахальство, в том числе листов, консервативных.

Такой был человек, с которым Гру-

ня Константин болтала и пила чай, сидя у окна своей Нью-Йоркской квартиры.

— Но вам совсем незачем сидеть валзери в этом смерном, душном городе! — сказала она. — Не могу понять, что удивляет вас. На вашем месте...

Но она не закончила фразы, так как в эту минуту заметила, что Холл забыл о ее присутствии, взял газету и начал читать. Она решила обратиться к нему, но он не замечал ее.

«Нам занадта важны хорошие новости, но я не замечал ее».

«Нам занадта важны хорошие новости, но я не замечал ее».

с собой, пригнуче с седьмого этажа Фиделити-блуг? Он был мною другом, а до этого другого моего отца. У него не было привычки думать себя. Корпорация «Фиделити» процветала, и все остальные о ней делаю упоминание. В личной жизни он был необычайно счастлив. Здоровье у него было на удивление крепким, он был один из малейших тяместей. Тем не менее он был необычайно скромным и скромнолюбивым. Говорили, что у него было воспитание триничинского гавана, но выгла лица — незначительная, мучительная, нестерпимая. От такой болезни начинают с собой. Так вот было у него ее. Мы обещали вместе с вами разговаривать с вами, но у него не было никакой неврали, но и еще специально проверил — погомоня выскочил из ее сердца. Кто же это? Почему?

Вероятно, это дело было бы мною совсем оставлено и забыто как одно из неразгаданных тайн, если бы губивало три дня спустя не был убит ин пневматической винтовкой Оубанатубиусом Кингсли. Поимать! Прямое на улице, из окна, а ведь их выкордуть убийство таксоном. Инцидент на том и не был раскрыт. Мне пришлось в поую, что между этими двумя убийствами было нечто общее. И вот тогда и с тех пор я стал с особым вниманием относиться к делу. В моем кругу убийства по стране, отмечая намдое необычайное обстоятельство, и вот у вас, а знамя лица о нескольких. Обозначив себя, я начал думать о том, что союзного руководства в Саннингтоне в течение многих лет он лозничал, но в последние годы он начал думать о том, что с проданностью не удалось защитить его. Когда проверил его состо-

ЭБИЮ

Рисунок Л. ВИНОГРАДОВОЙ

ботает какая-то сильная организация. В том, что это не просто Черная Грива, я уверен. Убийств не ограничивают ни определенно национальностью, ни определенными слоями общества. Первая мысль моя была об анархистах. Извините меня, Грива, я его потянул и ее рука и локон смала ее... О вас ходит много слухов, и о том, что вы тесно связаны с террористическими группами. Мне известно, что вы раскулачили много денег, и у меня возникло подозрение, и вы совсем не знакомы с анархистами. Мне завлекло вас любовью. Я нашел в вас самого немого анархиста, и к тому же не слишком-то убежденного. Вы уже занялись собственными работами...

И вам только остается подорвать мою веру и в них, — засмеялся он, поднимая его руку и сажая ему на лоб и принимал ее и щелк. — Но расказывайте дальше. Это так интересно. Анархистов я действительно узнал близко, и чем больше я изучаю их, тем больше убеждаюсь в их непрактичности и действиях. Они так непрактичны. Занимаются мечтаниями, сочиняют теории, негодуют по поводу политической ситуации... вот и все. Иногда они ничего не добьются. И при этом никогда ничего не могут сделать, кроме непрактичности самим себе, — я говорю, конечно, о террористических группах. Что же касается толстовцев и иропотинцев, то они больше теоретические философы-теоретики. Они не обидят и мухи, да их братья-террористы жалеют.

Понимаете, убийства были все же. Если бы это были только политические или только светские, их можно было бы приписать какому-то извращенному сознанию общества. Но здесь были и светские и связанные коммерцией. Ну, а раз так, заключаю, что, значит, есть какой-то слух, какому-то лицу, получившему доступ в эту организацию. Но какой? Прежде всего, сказал я себе, ивеще человек, которого мне нужно убить, — дальше этого у меня дело не пошло. Ведь у меня не было ни адреса, ни адреса, которая выполняла бы такое мое задание. Тут-то и была загадка: исходное предположение мое никуда не годилось — ведь на самом деле мне не нужно было ничего убивать.

Все это до меня дошло только тогда, когда Нобур в Федеральном бюро рассказал наши случаи. Из которого как раз с ним произошел день. Для него это было просто лишь быстрое прохождение, а для меня — луч света, который привел меня к 3-ю Авеню в центре, рядом остановился на мотоцикле какой-то мужчина в рабочем комбинезоне, сошел на мостовую и заговорил с ним. В общем, этот человек сказал ему, что если есть кто-нибудь, кого он хочет убить, это может быть сделано бесплатно и безотлагательно, если Нобур пригрозит разложить твою голову, тогда это будет сделано. Он согласился — и был такон.

А дело вот чем. Нобур попал в особенно трудное положение. Перед этим его здорово обвел его партнер Мэттсон, обманув его и сумев перехватившую. Даваясь Мэттсон без человека в Берлуе, Нобур был вынужден отказаться. Во-первых, Нобур действительно имел или мог предположительно, даже должен был иметь желание отомстить Мэттсону. И, во-вторых, благодаря газетам дело было предано гласности.

Понимаю, воскликнула Грива, оминувшись. — В этом и был порыв ваших рассуждений. Поскольку вы не могли передать гласности ваше предположительное желание убить человека, организация, естественно, не могла начать с вами об этом переговорах.

Правильно. Но мне от этого было не легче. Теперь мне стало известно, что организация не могла приступить к этой организации и ее исполнению. С этого времени с учетом известной мне деловой и занятием изучением тайных вещей и выходящих из убийств и покушений, что я всем случаям светских убитых практически

всегда предпринимали сенсационные публичные скандалы. Убийства, связанные с коммерцией, ну, убийства о темных и нечестных делах большого бизнеса всегда в наши прославляются даже тогда, когда они не попадают в печать. Когда Готторг башин на его достоянием при определенных обстоятельствах, сплиты о его закулисных замышляющих в борьбе против «Юмбината» на протяжении недели ходили по клубам. Вы этого, можете быть и не помните, но некоторое время скандальные процессы Этуэтра-Джонса и Лангтона-Хубера с сенсационным треском были поданы газетам.

Так. Мне стало ясно, что эта организация убийств имеет доступ к лицам высшего положения в деловой, деловой и общественной жизни. Было также очевидно, что ее предприниматели и исполнители нан в случае с Нобуром. Я стал предпринимать усилия, чтобы узнать о людях, которых я встречал в клубах или на заседаниях директоров, пользующихся услугами этой фирмы убийц. В том, что я знаком с этими людьми, у меня не было сомнения, но кто они? Представляю себе, если бы я стал спрашивать у своих знакомых адрес фирмы, которой обещали, чтобы убить своего врага...

Но теперь, совсем недавно, я наконец получил в руки список, который я под непосредственным наблюдением своих друзей, занимающих видное положение в деловой и общественной жизни, не так-то легко было получить. Некоторые из них были безразлично, хотя были они, который, несомненно, восполняют пробелы в организации, потому что через посредство этих лиц, занимающих видное положение, были мерта. Самоубийство, сказали в полиции.

Но потому, что я убийца. Помните, какой бы шум несомненно поднял в случае смерти одного из Ван-Мартин и барона Портоза де Муань? Это был один из тех завсегомо несчастных, выходящих из организации, потому что через посредство этих лиц, занимающих видное положение, были мерта. Самоубийство, сказали в полиции. Но потому, что я убийца. Помните, какой бы шум несомненно поднял в случае смерти одного из Ван-Мартин и барона Портоза де Муань? Это был один из тех завсегомо несчастных, выходящих из организации, потому что через посредство этих лиц, занимающих видное положение, были мерта. Самоубийство, сказали в полиции.

С братом же Перси Ван-Мартин я учился в одной школе. Я естественно воспользовался этим, чтобы попытаться узнать, как же обстояло дело. Несколько недель мне выдвинулось довольно много, и вот позаче случилось то, чего я ожидал, и я узнал об этом рассказав. Организация обратилась ко мне, чтобы убить человека, но не прогнал их человека, а выслушал меня. Не всегда в первом случае это было с главным. Все устроено. И тогда... — воскликнула нетерпеливо Грива. — Что же тогда?

— А опасность!

Хотя убийства спонсировались, но это-нибудь мне угрожал. Просто я еду для заключения сделки, и вы знаете, что на утверждение зятя Перси Ван-Мартина. А фирмы не практикуют убийства своих клиентов.

— А когда они обнаружат, что вы не убийца, возразила она. — Меня уже так не будет. И когда они действительно обнаружат, что будет слишком поздно, они не смогут принудить мене введ.

— Убедила Грива, когда они процедила в дверь и услышала слухи. — Там вы приедете в субботу?

— Конечно.

Я сам встречусь вас на станции. И в след за этим через несколько минут действительно обнаружат, что вы не убийца, возразила она.

Грива пыталась ответить столь же смело, но покраснела, потупила взгляд, и в следующие минуты он обвел ее.

Перевод с английского В. ВЫКОВА.

анне, обнаружили, что оно достигнет шести миллионов. Это было вскоре после того, как он полностью прибрал и украл полтинничную машину убийц.

Были и другие: начальник полиции Питт, крупный механик Веллхорт, хлопковый король Вланкхарт, инс-

пектор Сатерлид, труп которого был найден в Ист-Ривере, и тем же тому подобие. Внимания ни разу не была полтинничная машина убийц. И как раз тогда он находился на вершине богатства и коррумпции.

Все это убедило меня, что здесь ра-

Под этой рубрикой мы будем отныне представлять нашим читателям молодых сатириков и юмористов — художников, прозаиков, поэтов.

ПОПУТНОГО ВЕТРА!

Э. ГАЙ, Б. ГАННИ

НАШ ЗНАКОМЫЙ РАБ

СМЕЕТСЯ ЭРИСТ ДЫШАЕВ

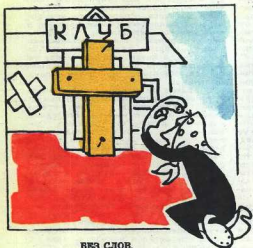
Эрист Дышаев родился четверть века назад в поселке Арси, Татарской АССР. Вот уже двадцать четыре года он занимается рисованием. Его первый рисунок — две пересекшиеся прямые — носил несколько блаженный характер. На вопрос «Что здесь написано?» — художник ничего, разумеется, не смог ответить. Спустя много лет, окончив среднюю школу, Эрист отправляется в Казань и там поступает работать художником в артель, изготавливающую детские игрушки.

Но вскоре он оставляет игрушки. В 19 лет хочет историком, но нигде не удается сдать экзамены, и Эрист по путевке комсомола идет работать штукатуром на строительство хинчиноского института.

Подпись «Э. Дышаев» часто появляется под смешными рисунками в татарском сатирическом журнале «Смена» и в республиканской газете «Комсомолец Татарии». «Смена» представляет читателям этого молодого художника.

В ШИРОКОЭКРАННОМ КИНОТЕАТРЕ

БЕЗ СЛОВ

БЕЗ СЛОВ

— ВОТ МНЕ ВЫ ТАКОГО САМОГО:
НЫНЬ АППАРАТ

С НАТУРЫ

Ф. ЕЛЪТОН

Мы теперь не знаем, радоваться ли или неосторожиться. Вчера Вазильев нам сообщил, что разочаровался в искусстве.

Мы поинтересовались, с ним на каком-то шумном и безалаберном собрании. — Вазильев-вазильев! — сурово сказал он. Мы заулыбались и запылали. Наверное, он все-таки поддался, что мы никогда не спыслим про старшего Вазильева.

— Человек искусства, — сказал кто-то. — Раб искусства, поправил со скромной улыбкой Вазильев.

Как сейчас помню, вась вечер был совсем знакомый критический левый мизинист Василий Рихтера. Прошлись, он задержался в дверях, чтобы необдуманно помянуть острый глаз Урусевского. Собственных новостей впервые стало перед нами во весь рост.

Но помню только, что из нас дал ему номер нашего телефона.

Через несколько дней в полночь раб позвонил: — Надо срочно поговорить. Сейчас поеду. — На чем? — спросили мы чуть-чуть нахально.

— На такси. — быстро сказал он. — И в каком часу ночи мы уже знаем, почему сестры Пресс раздумывали выходить замуж за братьев Гусановых.

И вообще... заметил нам Вазильев... это любит музыку, тут, конечно, помнит, что, когда жена великого Шумана встретилась с маршином де Колетт...

Тут он магультировался из кресла и сказал, что у него нет денег на такси.

— Надо срочно поговорить. Сейчас поеду... — На такси.

Мы долго еще тихо молчали и неуверенно косились друг на друга. Мы так и не могли вспомнить, кто из нас выдал ему наши телефоны. Зато мы знали теперь друг о друге грустную правду, и нам было мерзко из-за этого перед Шуманом, чью святыню немцы мы едва представляли.

Нет, мы не имели права на любовь и музыку. Нам даже не следовало разламывать в троллейбусе, который ходит мимо консерватории. Каждая истерка с Вазильевым надолго лишила нас покоя. И однажды, заметив его издалека, мы с третью выругали в него и поднялись на поверхность только через три оставшихся. Вазильев был уже здесь и сразу ухватил одного из нас за рукав. Вид у него был оптимистический.

— Искусство... требует... этих самых... — он долго еще не мог отдышаться. Наконец он промолвил, но за что-то испугавшись с общественным транспортом: — Большой театр на дню съедобител с Мамлюком. Будет один. Средний Академический театр.

Сказав так, он эффектно застыл посреди ошеломленного переизбытка. Мы же снова поспрашивали и уперлись глазами в кофляки.

Искусство кино тоже стало для нас недоступным, когда Вазильев рассказывал, что угодил бутербродом Чухрая в бубенце киностудии «Мосфильм». Он обещал показать фотографию режиссера (о 12 янв) с надписью на обороте «Николе от Триши».

Фотография Вазильев так и не привнес. Он отсутствовал почти неделю, а вчера позвонил, что искусство его разочаровало. Он перешел на мотоциклы.

— Раб мотора, — мягко сказал он. — Но вот теперь мы не знаем, радоваться или неосторожиться.

Кстати, неужели мы не слышали, что известная английской тонизи Джозеф Туай собрался развестись с женой?

Первая страница обложки: молодая актриса Анастасия Вертинская. Рассказ о ней читайте на стр. 14.

Фото М. МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бульварный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-67; отдачи литературы и рукописей — В 8-61-63; отдачи заказов и публикации статей — Д 3-31-63; менсатурной комиссии — Д 3-31-50; факс-культуры и спорта — Д 3-30-67; писем — Д 3-30-47; шуток и анекдотов — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакционная коллегия: Ю. Н. Верчанко, Е. А. Долматовская, К. Н. Замощин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Краковский (ответственный секретарь), Е. М. Рабчинков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова

Технический редактор Н. Вудкина.

А 01883. Подписано и печатно 17/VI 1994 г. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1832. Заказ № 1718. Формат бумаги 70 × 108^{1/8}. 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24

Омеленно

Ты при-
шел к нам та-еж-ной тропи-ной, на ко-е по-встре-тился пу-ти. Ты мо-
же на-ши-вал бы про-сто, но все-гда зна на мед-ве-диной те. Ты же
вдруз-ва-у-тром у-е-дешь, ста-нет зя-бо-те-бе у ко-стра... Мо-жет, ты
и най-дешь на мед-ве-дях, да бо-ль-ше в та-е-ге но-на-ра-ты не тот
и не тот-же. Я знаю, что я мол-чу, да-вай же. Но та-е-ге но-на-ра-ты не
ка-что мол-чи да мо-и би-ро-са. би-ро-са!

Для поговорок Для описания

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО

ТЯЖЕЛЫЙ ВАЛЬС

Ты пришел к нам тяжелой тропиной,
На исходе повстречался пути.
Ты меня называл Бирюсиной,
Все грозил на медведа пойти.
Только вдруг завтра утром уедешь—
Станет забю тебе у костра!
Может, ты и пойдешь на медведа,
Да боишься в тайге комара.

Припев:

Ты не тот или тот!
Я молчу, я молчу ц-пый год,
Но зато не найи полчаса,
Чтоб молчала моя Бирюса.

Я тебя не ждала, не искала,
В Бирюсинске дали меня.
На обрубчик смородины скалах
Ненароком ты встретил меня.
Ты привык ко всему городскому,
Что тебе в нашей дичей красе!
Вдруг тебе станет сучко такому
На дремучей реке Бирюсе.

Припев.

Вот опять тинет медом с верховий,
Влажный ветер зови меня в путь.
Почему ж твои рыжие брови
В эту ночь не дают мне уснуть!
В эту ночь, может, кажешься мне ты
Самым главным в дичей судьбе.
Я боюсь, что случится об этом
Бирюса разболтает тебе.

Припев.

ПО АССОЦИАЦИИ...
Рисунок В. ВОРОНЦОВА

КРОССВОРД

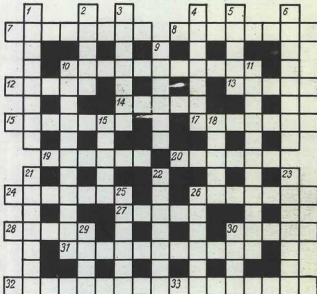
Составил А. МИХЕРЕВ
г. Москва.

По горизонтали:

7. Дюймовочка.
8. Метеорологический прибор.
9. Техника производства сигнальных ракет, фейерверков.
10. Налеток.
11. Столица Иордании.
12. Водное пространство между материками.
13. Военнослужащий одного из родов войск.
14. Организатор первого оркестра русских народных инструментов.
15. Популярная киноактриса, народная артистка СССР.
16. Советский металлург, академик, лауреат Ленинской премии.
17. Вокально-инструментальное произведение.
18. Советский лётчик-испытатель, Герой Советского Союза.
19. Остров близ Неаполя, где жил М. Горький.
20. Скульптор, народный художник СССР.
21. Порт в Средиземном море.
22. Остров в Индонезии.
23. Наука о растениях.

По вертикали:

1. Открытие художественной выставки.
2. Герой произведения О. Бальзака.
3. Небольшое самоходное судно.
4. Рельеф местности.
5. Фигура высшего пилотажа.
6. Мыс на севере Чукотки.
7. Планажа.
8. Государственный орган, следящий за соблюдением законности.
9. Имя производственного оборудования.
10. Автор романа «Айвенго».
11. Пушной зверь.
12. Художник-передвижник, автор картины «Рабочий-борец».
13. Сокол, используемый для ловой охоты.
14. Раздел теоретической механики.
15. Рассказ М. Горького.
16. Советский писатель.
17. Один из псевдонимов В. И. Ленина.
18. Государство в Азии.

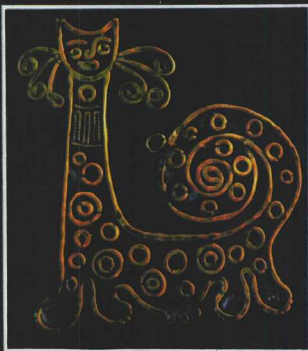
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Янош.
6. «Чародейна».
9. Боткин.
11. Таннер.
16. Карат.
17. Велас.
19. Интрига.
22. Азаба.
23. «Алеут».
24. «Гай-дамык».
25. Инвар.
27. Лада.
28. Боринин.
31. Алдос.
32. Дойна.
33. «Эймонт».
36. Краков.
38. Калитовоз.
39. Атлас.

По вертикали:

2. «Клоун».
3. Прест.
4. Талик.
5. Юнок.
7. Соната.
8. Женева.
10. Иден.
12. Ашт.
13. Каравева.
14. Варяжова.
15. Надождина.
16. «Видик».
18. Исаво.
20. Арман.
21. Орланд.
25. Йолога.
27. Леон.
29. Озом.
30. Инар.
34. Омар.
35. Транк.
36. Крона.
37. Анод.

Молодые художники А. Петров и М. Рознова, с чьими произведениями знакомимы сегодня читатели, работают преимущественно над ювелирными изделиями, но они не ограничиваются этим, создавая и последние прекрасные рельефы и шкатулки. Их вещи отмечены своеобразным вкусом и выдумкой, большой свободой в обращении с материалами, мастерской техникой, композицией. Тут кованое железо и тончайшая филигранная ажур, свищадя бирюза и простая кость, свободная роспись камней и строгие линейные построения. Эти украшения удивительно самим современным вкусом и вместе с тем содержат в себе то, что можно назвать «поиском долговечности»: традиционность. Например, и безобая отношение к материалу и сознание того, что какую-нибудь, казалось бы, случайную «безделушку» надо заслужить жить долгие годы. Этим принципам художники учатся у народного искусства, потому что вещи понимают как и о русской сказке, и об орнаменте северных племен, и об уютном просечном железе и шитье старинных кокошников. И так же, как у народных художников, здесь все материалы равноценны, независимо от того драгоценные ли это металлы и редкие камни, измеренные каратами, или это медь и скромные камешки морского берега. А. Петров и М. Рознова всегда стараются показать природную красоту материала, его цвета, фактуру. Например, один из их браслетов сделан

ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ ВАС

только из желтой и красной меди, но художники учли, что через некоторое время медные поверхности окислятся, покрываются патиной, что патина эта будет чрезвычайно разнообразна по цвету, и вот произведение прикладного искусства приобретает большую живость, неповторимую изысканность. Из таких же неумудрящих материалов сделан браслет «Цветочный». Между прочим, это обыкновенная медная пластина, прибрежная галька и несколько кораллов. Но мы любимся в браслете переливами зеленых камней, их сочетанием с металлом и коричневым металлом, игрой полированных и матовых плоскостей, всем тем, что роднит с нашими

преданиями, с традициями наших сказок.

В последние годы область прикладного искусства заметно оживилась. Большой популярностью пользуются новые керамика, декоративные ткани по народным мотивам, переживают вторую молодость восточные игрушки и расписная холмовская посуда. И вот сейчас мы стали свидетелями того, как прикладному набрав силу, вступает на путь интересного поисков и решения ювелирное искусство. В числе мастеров, работающих в этом интересной области, в двое молодых художников — А. Петров и М. Рознова, с произведениями которых мы знакомим сегодня читателей.

П. ВОЛКОВА

